

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

COLUMBIA LIBRARIES OFFSITE

CU01990640

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

61684 108 0MB ab

ФЕРЕЙСКІЕ ТИРАНЫ.

КНЯЗЯ
С. АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, домъ № 90—1.

1880.

Am
34 782

ФЕРЕЙСКІЕ ТИРАНЫ.

К Н Я З Я

С. АБАМЕЛЕКЪ-ЛАЗАРЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріанскимъ мостами, домъ № 90—1.

1880.

884.2
Аб 16

Средняя Подълочная, 1.
2142.

26-1-1880

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5-го сентября 1880 года.

I.

Θεσσαλία и Θεσσαλίηδες.

Θεσσαλία въ древности, какъ и въ настоящее время (W. M. Leake, *Travels in Northern Greece*, IV Vol. London 1835, I, 437), превосходила всѣ прочія страны Греціи плодородіемъ своей почвы и многочисленностію населенія. Не смотря на эти преимущества, она не играла видной роли въ исторіи Греціи до начала четвертаго вѣка. Причину этого явленія надо искать, съ одной стороны, въ географическихъ условіяхъ, которыя, какъ во всѣхъ горныхъ странахъ, не способствовали ея объединенію, съ другой стороны, и въ томъ, что племена, ее обитавшія, были различнаго происхожденія.

Все населеніе Θεσσαλίης состояло изъ господствующихъ и подчиненныхъ (ἄρχοντες ὑπήκοοι, Du Mesnil, *De rebus Thessalicis*, Berolini 1860, стр. 20). Господствующее племя носило имя Θεσσαλίηδες, и въ тѣхъ частяхъ страны, гдѣ они жили, жили также ихъ крѣпостные—Πενεστές, а въ прочей Θεσσαλίи пребывали подчиненныя племена—Περρεβίαι, Μαγνηταί, Αχαιοὶ Φθιώται, Μολοῦνται, Ὠνιῶνται.

О происхожденіи Θεσσαλίηδες сохранились только преданія, на основаніи которыхъ почти всѣ писатели принимаютъ, что Θεσσαλίηδες—эеспротійское племя, пришедшее изъ Эпира и покорившее эолическо-ахейское населеніе Θεσσαλίи. Такъ какъ завоеватели были не многочисленны и, какъ горцы, стояли по степени развитія ниже подчиненныхъ ими жителей долинъ, то неудивительно, что они переняли отъ послѣднихъ нравы, обычаи, словомъ, эллинизировались. Но уже Гротъ (*Grote, History of Greece*. XII Vol. London 1846—1857, II, 368)

указалъ на нѣкоторыя обстоятельства, свидѣтельствующія о неточности преданія о ееспротійскомъ происхожденіи собственно Тессалійцевъ, а Буттманъ (Von den Aleuaden, Abh. der Berl. Akad. 1822, стр. 186) еще убѣдительно подтвердилъ, какъ слаба эта теорія, и построилъ новую, доказывающую, что Тессалійцы съ незапамятныхъ временъ жили въ части Тессаліи, носящей ихъ имя (Θεσσαλιώτις), что они были родственнымъ племенемъ Теспротійцевъ, имѣли одинаковыя преданія съ ними, что вслѣдствіе этого произошла легенда объ ихъ эпирскомъ происхожденіи. Однако, мы не беремся входить въ подробности этихъ двухъ теорій, такъ какъ занимаемся исторіей лишь Ферейской тиранніи, а не всей Тессаліи.

Къ этому племени собственныхъ Тессалійцевъ принадлежала аристократія, славившаяся въ остальной Греціи своими богатствами и своею расточительностью. У ней было множество табуновъ лошадей, знаменитой во всей Элладѣ породы, и большія земельныя имѣнія. Эти земли обрабатывались крѣпостными, называемыми Пенестами. Изъ среды тессалійской знати особенно выдавался знаменитый родъ Алевадовъ, воспѣтый Пиндаромъ и Симонидомъ, родъ, который сохранилъ свои богатства и свою власть въ продолженіе всей греческой исторіи. Алевады гордились своимъ предкомъ, Геракломъ, такъ же, какъ и царствующія фамиліи въ Спартѣ, и эта гераклидская генеалогія (какъ показываетъ на 179 стран. Буттманъ), идетъ черезъ эпонима націи Тессала, который одно и то же лице, что Тессалъ, сынъ Геракла, встрѣчаемый у Гомера (II. II, 679). Алевады владѣли Лариссою, другая вѣтвь ихъ дома властвовала въ Краннонѣ и называлась Сконадами по имени ихъ родоначальника Скони, процвѣтавшаго въ VI вѣкѣ (Buttman). Наконецъ, мы встрѣчаемъ Алевадовъ и въ Фарсалѣ.

Происхожденіе Пенестовъ намъ плохо извѣстно. Весьма возможно, что они были потомки прежнихъ обитателей страны, Перребовъ и Магнетовъ, по словамъ Теопомпа, Пелазговъ, по мнѣнію Геродота, и Беотійцевъ изъ территоріи Арнейской, какъ утверждаетъ Архемахъ (Grote II, 371). Во всякомъ случаѣ, достовѣрно мы знаемъ, что они жили только тамъ, гдѣ жили собственно Тессалійцы, то-есть въ провинціяхъ, называемыхъ Θεσσαλιώτις и Πελαγίωτις, и что отношенія между ними и Тессалійцами напоминаютъ отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Они платили Тессалійцамъ извѣстную долю дохода, получаемого отъ полей, и, взаменъ этого сбора, были ограждены отъ случайности быть проданными, какъ военно-плѣнные,

или какъ рабы въ предѣлахъ Эссалии. Ихъ защищали эссалийскіе ихъ господа, которыхъ они должны были сопровождать на войнѣ, подобно тому какъ средневѣковые вассалы сопровождали своихъ сюзереновъ. Положеніе Пенестовъ нельзя было назвать весьма тяжкимъ, ихъ личность была ограждена въ известной степени, такъ, напримѣръ, никто не могъ убить Пенеста безъ причины (H. G. Plass. *Die Tyrannis in ihren beiden Perioden bei den alten Griechen* II vol. Bremen 1852, I, 20); они не были лишены возможности пріобрѣтать богатства: такъ, мы знаемъ, что были Пенесты богаче своихъ господъ. При всемъ этомъ ясно, что отсутствіе свободы все таки должно было быть имъ чувствительно: часто они претерпѣвали несправедливости, за которыми нельзя было добиться удовлетворенія отъ господъ; кромѣ того были весьма неблагоприятныя постановленія, раздражавшія безъ всякой пользы Пенестовъ. Такъ, мы знаемъ изъ Аристотеля (*Politic.* VII, II, 2), что Пенесты жили въ городахъ, въ особенныхъ кварталахъ, и что никто изъ Пенестовъ, не призванный, не смѣлъ пойти на площадь, называемую свободною Агорой. Блѣдствіе этихъ причинъ они часто возставали, хотя эти возстанія не приносили имъ никакого улучшенія въ ихъ положеніи. Если у нихъ нашелся бы даровитый вождь, то они могли бы сдѣлаться весьма опасными для Эссалийцевъ, такъ какъ составляли одинъ народъ съ общими языкомъ и вѣрованіями и къ тому же были вооружены. По вреду, какой они могли бы причинить Эссалии, ихъ слѣдуетъ приравнять къ лакедемонскимъ илотамъ, которые вообще во многихъ отношеніяхъ имѣли сходство съ ними.

Въ остальной Эссалии, гдѣ не жили собственно Эссалийцы съ ихъ Пенестами, мы видимъ племена, стоявшія въ зависимости отъ Эссалийцевъ, но не терявшія отъ этого нѣкоторыхъ правъ, свойственныхъ только самостоятельнымъ народамъ. Такъ Перребы, Магветы, Ахейцы Фтіотійскіе, Малійцы и Долоны имѣли равное участіе и значеніе съ собственно Эссалийцами въ собраніяхъ Дельфійской амфиктіоніи. Подвѣдственность этихъ племенъ Эссалийцамъ выражалась въ томъ, что они были обязаны платить имъ дань, чего часто и не дѣлали, и поставлять на случай войны легко-вооруженныхъ воиновъ. Эту послѣднюю повинность имъ не трудно было нести, такъ какъ они всѣ умѣли отлично метать копье и были по этому пельтастами, кромѣ Малійцевъ, которые служили и какъ оплиты.

Намъ весьма мало извѣстно, какимъ образомъ управлялась Эссалия. Въ городахъ власть была въ рукахъ олигарховъ—аристократовъ, которые часто выбирали изъ своей среды династа (терминъ весьма

неясный), который одинъ правилъ городомъ. Олигархическое правленіе потому сохранилось до весьма поздняго времени, говоритъ Аристотель (Polit. V, 5, 7), что полнѣйшее согласіе было всегда между олигархами. Иногда во время безпорядковъ въ городахъ, когда народъ требовалъ перемѣнъ въ способъ управленія и участія въ немъ, то выбиралось, для примиренія партій, лицо, пользующееся довѣріемъ, и ему ввѣрялось войско для охраны города. Часто случалось, что такіе *ἀρχοντες μεσίδιοι* овладѣвали полною властью надъ тою и надъ другою партіею (Aristot. Polit. V, 5, 9). Ларисса, Фарсаль, Феры, каждая съ извѣстнымъ числомъ подчиненныхъ имъ городовъ, были постоянно раздражаемы междоусобіями, ослаблявшими ихъ въ отдѣльности, и Тессалию въ общемъ. Тогда, именно, подвластные племена становились *de facto* совершенно свободными. Но во время необычайныхъ происшествій—войны или устройства сильной партіи въ Тессалии однимъ какимъ нибудь ловкимъ и честолюбивымъ человекомъ, — избирался тагосъ или главный начальникъ соединенныхъ силъ Тессалии, и тогда, если личность тагоса была достойна его власти, Тессалия становилась чрезвычайно сильною, какъ это мы увидимъ при Ясонѣ Ферейскомъ. Но это случалось довольно рѣдко и промежутки между тагосами весьма значительны. Такъ, во время Пелопоннесской войны не было тагоса, но думаютъ, хотя достовѣрно этого не знаетъ ни одинъ изъ авторовъ, что Скона III-й Краннонскій былъ избранъ въ тагосы.

Передавъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ положеніе Тессалии къ началу IV вѣка, мы изложимъ, прежде чѣмъ приступить къ исторіи Ферейскихъ тиранновъ, нѣсколько свѣдѣній о Ферахъ. Феры, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Эллады, упоминаемый у Гомера (II. II, v. 711), находится у Бойбейскаго озера, въ 15 верстахъ къ западу отъ Пагазъ, порта, находящагося на заливѣ, носящемъ его имя.

Феры называются теперь Велестино и по остаткамъ фундамента его стѣнъ можно судить о границахъ города, кромѣ только южной стороны, обращенной къ равнинѣ, гдѣ нельзя ихъ прослѣдить (Leake IV, 439). Съ сѣвера стѣны шли по хребту двухъ столообразныхъ возвышенностей, которымъ, можетъ быть, эта форма искусственно придана. Эти два возвышенія образуютъ какъ бы два бастіона, защищающіе врата, находящіеся между ними. Когда путешественникъ ѣдетъ изъ Лариссы въ эти ворота, то онъ видитъ только возвышенія со стѣнами на нихъ, но лишь только онъ вѣзжастъ въ ворота, предъ нимъ сразу открывается весь городъ. Это, должно быть, великолѣпное зрѣлище, такъ какъ и теперь при жалкихъ лачужкахъ Велестино, оно

не лишено величія. На предгоріяхъ восточнаго бастіона, какъ въ древности, такъ и теперь находится въ срединѣ города Гиперейскій источникъ, воспѣтый Пиндаромъ (Puth. od. 4, 221) и Софокломъ (ар. schol. Pindar. l. c.). Гиперейскій источникъ даетъ начало ручью, по берегамъ котораго теперь находятся такіе же великолѣпные платаны, какъ и въ древности (Polyb. XVIII, 3). Отъ зданій Ферейскихъ не осталось никакихъ развалинъ.

II.

Ликофронъ I-й Ферейскій.

Первымъ тиранномъ Ферейскимъ былъ Ликофронъ. Мы ничего не знаемъ ни о его молодости, ни объ его семействѣ, ни о томъ, какъ онъ достигъ власти въ Ферахъ. Первое упоминаніе о немъ мы встрѣчаемъ у Ксенофонта (Hell. II, 3, 4), который разказываетъ, что Ликофронъ, желая соединить всю Θεσσαλίю подъ своею властью, сразился съ своими противниками Ларнейцами и прочими Θεσσαлійцами, въ большой битвѣ, происходившей около времени солнечнаго затмѣнія, 3-го сентября 404 г. (Ernst Curtius, Griechische Geschichte, III vol. Berlin 1878 г. III 779) ¹⁾. Кровопролитіе было ужасное, особенно пострадали наемныя войска Медія, династа Фарсальскаго. Таково было тогдашнее ожесточеніе партій, что Ликофронъ не предалъ землѣ тѣла своихъ враговъ, и они такъ долго лежали не погребенными, что, разказываютъ, всѣ вороны изъ остальной Греціи слетѣлись на эти поля. Въ Атикѣ и въ Пелопоннесѣ въ это время не осталось ни одного ворона (Arist. De Anim. Hist. IX, 31). Битва происходила у Фарсала, и хотя Ликофронъ и побѣдилъ своихъ враговъ, но не могъ сломить ихъ окончательно. Единственнымъ послѣдствіемъ этой битвы для Ликофрона было, вѣроятно, взятіе Фарсала. Во главѣ враговъ Ликофрона мы видимъ Лариссейцевъ. Ларисса была столицею Алева-

¹⁾ Arist. Histor. Anim. περί δὲ τῶν χρόνων: ἐν οἷς ἀπώλυντο οἱ Μηδίου ξένοι ἐν Φάρσαλ etc. Тутъ не говорится точнѣе о времени. Я вполне согласенъ съ Du Mesnil, который относитъ это мѣсто Аристотеля къ битвѣ 404 г. Буттманъ соглашается съ Шнейдеромъ (ad Xenoph.), относящимъ это мѣсто Аристотеля ко взятію Фарсала Медіемъ въ 395 г. Но противъ такого толкованія говоритъ смыслъ самаго мѣста, ибо къ чему Медій побѣдитель бросилъ бы тѣла своихъ наемниковъ на полѣ битвы не погребенными? Есть еще третье толкованіе этого мѣста: Курціусъ (III, 839) говоритъ, что Ликофронъ, послѣ побѣды Медія въ 394 г. и взятія имъ Фарсала, снова овладѣлъ Фарсаломъ и избилъ тутъ наемниковъ. На чемъ не основанное предположеніе не оправдывается послѣдующими фактами.

довъ, главнымъ центромъ аристократіи въ Фессаліи. Изъ этого мы можемъ судить о характерѣ оппозиціи, которую встрѣтилъ Ликофронъ своимъ планамъ. Если Фессалія объединилась бы подъ его властью, то отъ этого главнымъ образомъ пострадали бы интересы олигарховъ, управлявшихъ городами ессалійскими; Ликофронъ, для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, вѣроятно, опирался на недовольныхъ аристократіей, то-есть, на низше дворянство и на бѣнестовъ.

Мы сказали выше, что битва 404 года, хотя и весьма кровопролитная, не была рѣшительною, и враги Ликофрона, потерявъ Фарсалъ, все таки остались довольно сильными. Къ тому же у нихъ была иноземная помощь. Такъ, мы знаемъ, что Аристиппъ Лариссейскій (Anabasis I, 1, 10) получилъ отъ Кира Младшаго шестидесячную плату для 4000 наемниковъ, для борьбы съ домашними врагами, то-есть, безъ сомнѣнія, для войны съ Ликофрономъ. Киръ далъ Аристиппу эту помощь съ условіемъ не распускать наемниковъ, не давъ знать ему объ этомъ. Онъ дѣлалъ все это для того, чтобы незамѣтно имѣть наготовѣ войско: въ 401 году онъ взялъ отъ Аристиппа его наемниковъ въ Азію.

Для Ликофрона такое ослабленіе противниковъ было весьма благоприятнымъ обстоятельствомъ, къ которому присоединилось вскорѣ еще и другое — именно упроченіе спартанскаго вліянія въ Фессаліи.

Лакедемоняне послали въ 399 году Гериппида въ Гераклею Трахинскую для усмиренія возстанія (Diod. XIV, 38). Прибывъ въ Гераклею, онъ созвалъ народное собраніе, окружилъ его войскомъ и убилъ около 500 человекъ (Polyaen. II, 21). Этимъ Гериппидъ положилъ конецъ возстанію, затѣмъ перешелъ въ Ойтайскую землю и началъ ее такъ сильно опустошать, что она обратилась въ пустыню; большинство жителей эмигрировало въ Фессалію, гдѣ они нашли убѣжище у враговъ Ликофрона. Этотъ фактъ уже указываетъ на то, что Спартанцы были въ дружественныхъ сношеніяхъ съ нимъ, а можетъ быть и въ союзѣ. На эту мысль наводитъ тотъ фактъ, что въ 395 году мы видимъ спартанскій гарнизонъ въ Фарсалѣ. Весьма возможно, что Спартанцы помогли Ликофрону въ его борьбѣ съ олигархами ессалійскими, а за это содѣйствіе Ликофронъ далъ имъ возможность поставить гарнизонъ въ Фарсалѣ. Но въ 395 году составила коалиція изъ Фивъ, Аѣинъ, Коринѣа, Аргоса противъ Спарты и ея значеніе стало сильно падать. Въ Фессаліи узнали это враги Ликофрона и Медій, династѣ Лариссейскій, обратился къ совѣту Коринѣскому, прося у него помощи противъ Ликофрона (Diod. XIV, 82). Коринѣскій союзный совѣтъ послалъ Медію

2000 Беотійцевъ и Аргивянъ подъ предводительствомъ Исменія. Медій съ помощію этихъ войскъ взялъ Фарсалъ, отнятый Ликофрономъ у него десять лѣтъ тому назадъ, и занятый теперь Лакедемонскимъ гарнизономъ. Подавъ эту помощь Мадію, Исменій оставилъ его, взялъ Гераклею измѣною, перебилъ Лакедемонскій ея гарнизонъ, затѣмъ вернулъ изгнанныхъ Гериппидомъ Ойтійцевъ на ихъ родину, переманилъ Эвіановъ и Асмановъ отъ Лакедемонскаго союза къ Коринфскому, — словомъ, уничтожилъ Лакедемонское вліяніе въ Фессаліи. Понятно, что послѣ этихъ обстоятельствъ положеніе Ликофрона сдѣлалось весьма шаткимъ, и я думаю, что въ этомъ же году или въ началѣ 394 онъ удался въ изгнаніе, гдѣ и окончилъ жизнь свою. Вѣрность взгляда (раздѣляемаго Du Mesnil'емъ и Rospat'омъ) подтверждается слѣдующими соображеніями: послѣ 395 года ничего не упоминается о Ликофронѣ. Мало того, въ 395 г., когда Агезилай возвращался сухимъ путемъ изъ Азіи, то Ксенофонтъ не говоритъ ни слова о Ликофронѣ (Hell. IV 3, 4) ни о Ферейцахъ, а напротивъ, говоритъ, что союзники Беотійцевъ: Лариссейцы, Крайнонцы, Скотусейцы и Фарсалыцы и всѣ прочія Фессалійцы, за исключеніемъ бывшихъ тогда въ изгнаніи, были враждебны Агезилаю. Ясно, что тутъ изгнанники, хорошо расположенные къ Спартянцамъ, могли только обозначать Ликофрона и его приверженцевъ. Плутархъ, который могъ еще имѣть другіе источники, кромѣ Ксенофонта, также ничего не говоритъ о Ферахъ и ихъ тираннѣ и изъ его разказа слѣдуетъ, что Фессалія вся принадлежала аристократической партіи (Plut. Agesil. с. 16).

И такъ, Ликофрону не удалось довести до конца начатое имъ дѣло, — объединеніе всей Фессаліи подъ своею властью и освобожденіе низшихъ классовъ Фессалійцевъ отъ гнета аристократіи. Онъ былъ изгнанъ изъ Феръ и не было тамъ тиранна около 15 лѣтъ, пока не появился Ясонъ.

III.

Ясонъ Ферейскій.

Первое упоминаніе о Ясонѣ находится у Діодора (XV, 30) подъ 377 годомъ. Онъ названъ тамъ Ἰάσων ὁ Φεραίος. Затѣмъ, послѣ

¹⁾ I. Rospat. Der Kampf der Fürsten von Larissa und Pherae um die Herrschaft in Thessalien. Museum des Rheinisch. Westphälischen Schulmännervereins Arnberg. 1848.

битвы при Левктрахъ, о немъ говорить Діодоръ и называетъ уже его тиранномъ Ферейскимъ, а власть его быстро и постоянно возрастающею (XV, 57). Ксенофонтъ влагаетъ въ уста Ясона слѣдующія слова: „большинство большихъ городовъ Фессаліи я самъ покорилъ“ (Hell. VI 1, 5).

На основаніи всѣхъ этихъ мѣстъ, я думаю, что Ясонъ не получилъ отъ Ликофрона никакого политическаго наслѣдства, кромѣ, быть можетъ, партіи въ Ферахъ. Фактъ, что Ясонъ самъ создалъ свою власть, а не получилъ ее отъ Ликофрона, доказываетъ, также принятое нами предположеніе, что Ликофронъ умеръ не тиранномъ. Ясонъ не получилъ наслѣдства отъ Ликофрона, къ тому же онъ не имѣлъ никакого права на это. Прежде думали, что Ясонъ сынъ Ликофрона; Лахманъ ¹⁾ выдаетъ это за дѣйствительный фактъ (I, 287). Однако этого нигдѣ у древнихъ авторовъ не видно, это просто догадка Ваксмута (I, 2, стр. 327), основанная на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Ясонъ говоритъ: ταῦτα ἐγὼ προθύρῳμαι σῶσαι ὑμᾶς βουλόμενος διὰ τὴν τοῦ πατρὸς φιλίαν πρὸς ὑμᾶς καὶ διὰ τὸ προξενεῖν ὑμῶν (Hell. VI, 4, 24). 2) Сынъ Ясона носитъ имя Ликофрона. Противъ этихъ двухъ пунктовъ выступаетъ Пале ²⁾, весьма обстоятельно доказывающій ихъ шаткость. Во первыхъ, надо замѣтить, что дѣлать заключенія изъ такого общаго мѣста, какъ ἡ τοῦ πατρὸς φιλία, невозможно. Ликофронъ былъ другомъ Македонянамъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что у нихъ въ Фессаліи и даже въ Ферахъ не могло быть другихъ друзей и знатныхъ и богатыхъ. Равнымъ образомъ ничего не слѣдуетъ изъ того, что авторы не упоминаютъ объ отцѣ Ясона и о его дружбѣ съ Лакедемонянами. Вѣдь мы также ничего не знаемъ о сношеніяхъ Ясона съ Лакедемонянами, вѣроятно, существовавшихъ между ними, такъ какъ онъ называетъ себя ихъ проксеномъ. Второе доказательство, догадка, что Ясонъ былъ сынъ Ликофрона, также легко опровергается, какъ и первая. Сынъ Ясона, говоритъ Ваксмутъ ³⁾, называется Ликофрономъ и это указываетъ, что имя ему

¹⁾ K. H. Lachmann, Geschichte Griechenlands von der Ende des Peloponnesischen Krieges bis zu dem Regierungszeit Alexander des Grossen, II vol., Leipzig, 1854.

²⁾ F. Pahlé, Zur Geschichte der Pheräischen Tyrannis. Jahrbücher für Classische Philologie, herausgegeben von A. F. Fleckeisen. Leipzig 1866.

³⁾ Wachsmuth, Hellenische Alterthumskunde aus dem Gesichtspunkte des Staates, II vol. 1826—1830. Halle.

дано въ честь дѣда. Это, разумеется, возможно, но также бываетъ, что ребенку дается имя въ честь другаго члена семьи, кромѣ дѣда, особенно, когда въ семействѣ есть замѣчательный человѣкъ. Наконецъ, по имени извѣстнаго человѣка могутъ называться дѣти, не стоящія въ родственныхъ отношеніяхъ съ нимъ. Все это показываетъ шаткость втораго доказательства. Но что еще важнѣе, Ликофронъ не былъ сыномъ Ясона. У древнихъ авторовъ нигдѣ не сказано, что Тисифонтъ, Ликофронъ и Пиеолай были сыновьями Ясона. Вездѣ о нихъ говорится, что они братья Эивы, дочери Ясона; изъ этого уже ясно, что они были только пасынки Ясона. Это предположеніе подтверждается слѣдующимъ мѣстомъ Фотія: Θήβη δ' ἦν Ἰάσονος μὲν θυγάτηρ... ἀδελφοὺς δ' εἶχε τρεῖς Τισίφωνα Λυκόφωνα καὶ Πυθόλαον ὁμήτριοι ἦσαν πατήρ δ' αὐτῶν Εὐάλκης ἦν (Photii Biblioth., Κονωνος διηγήσ. 186). Исократъ въ своемъ письмѣ „къ дѣтямъ Ясона“, отвѣчаетъ на ихъ приглашеніе прибыть къ нимъ въ Θεσσαλίῳ и говорить: ἐγὼ δ' ἔνεκα Ἰάσονος καὶ Πολυάλκους ξενίας ἡδέως ἂν ἀφικοίμην ὡς ὑμεῖς. Трудно въ этомъ мѣстѣ подыскать для Πολυάλκης другое значеніе, кромѣ отца этихъ трехъ братьевъ. Пале доказываетъ это испорченностью рукописей. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ Фотія находится имя Εὐάλκης. Однако, это имя въ рукописи читается εὐλαβής. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ оно не имѣетъ ровно никакого смысла, то Иммануиль Беккеръ, издавшій Фотія (Berolini 1824), поставилъ вмѣсто εὐλαβής ἐνάλκης, доказавъ, что слоги λαβής чрезъ искаженія переписчиковъ получились изъ первоначальныхъ αλκης. Пале думаетъ, что въ первоначальной рукописи стояло πολυάλκης, затѣмъ оно исказилось въ πολυλαβής, слово, не встрѣчающееся ни въ существительныхъ, ни въ прилагательныхъ; тогда какой-нибудь изъ переписчиковъ и поставилъ вмѣсто несуществующаго πολυλαβής существующее, но на этомъ мѣстѣ не имѣющее смысла εὐλαβής. Съ помощью этой догадки, мы узнаемъ, что отецъ трехъ братьевъ Эивы называется Полиалкъ. Онъ умеръ вѣроятно около 379 года, можетъ быть, и въ 378 г., что видно изъ лѣтъ Эивы и ея братьевъ. Во время смерти Александра Ферейскаго въ 359 или въ 358 году они были νεανίσκοι (Plut. Pelop. с. 35), что вполне согласно съ нашимъ расчетомъ, по которому младшему приходилось около 20 лѣтъ. Что касается возраста Эивы, то мы знаемъ по одному источнику, что Александръ хотѣлъ удалить ее отъ себя, такъ какъ онъ не имѣлъ отъ нея дѣтей. Вѣроятно, онъ принялъ это рѣшеніе послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ожиданій; отъ двухъ до четырехъ лѣтъ могъ онъ дожидаться, такъ какъ бракъ

обыкновенно заключался, когда невѣстъ было 15 лѣтъ. И такъ, Ясонъ въ 37²/₃ году женился на вдовѣ, имѣвшей трехъ сыновей, изъ коихъ одинъ называется Ликофрономъ. Около того же времени, при другихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, его власть начинаетъ сильно и быстро возрастать и подготавливается осуществленіе мечты Ликофрона, именно, объединеніе Фессаліи подъ одною властью, сосредоточенной въ рукахъ Ферейскаго тиранна. Всѣ эти факты даютъ намъ право сдѣлать конъюнктуру, что Ясонъ женился на дочери Ликофрона. Тогда можно воссоздать въ воображеніи событія, предшествовавшія возвышенію Ясона. Питая честолюбивые планы, оправдываемые и его замѣчательными талантами и происхожденіемъ изъ богатаго и вліятельнаго рода, Ясонъ женился на дочери Ликофрона и приобрѣлъ вслѣдствіе этого обширныя связи политическія, такъ какъ низшее дворянство и пене-сты, безъ сомнѣнія, помнили Ликофрона ¹⁾.

Повторяя все вышесказанное, нѣтъ основанія считать Ясона сыномъ Ликофрона, а гораздо правдоподобнѣе, что онъ женился на его дочери. Намъ остается еще, прежде чѣмъ приступить къ самой исторіи Ясона, опровергнуть мнѣніе Пале, что Ясонъ выступилъ на политическую арену въ 406 году, а не въ 380—77 годахъ, какъ мы это сказали (доводы Пале схожи съ доводами Леонарда Гамминга ²⁾, специально изучившаго исторію Ясона). Ксенофонтъ передаетъ въ своей исторіи, что Фессалиецъ Промееей помогалъ Критію возмущать пенестовъ (Hell II, 3, 36). Съ этимъ Промеееемъ случилось слѣдующее происшествіе: у него былъ нарывъ такой опасный и злокачественный, что, не поддаваясь лѣченію, онъ, по словамъ врачей, долженъ былъ причинить ему смерть. Но къ счастью для него врагъ Промееея, желая его убить, нанесъ ему такой сильный и вмѣстѣ съ тѣмъ удачный ударъ, что нарывъ истекъ и жизнь Промееея была спасена (Plut. De car. ex hostib. util. § 89. Seneca de Benefic. II, 19 разказываетъ тотъ же случай, не называя тиранна). Этотъ самый анекдотъ разказывается другими авторами о Ясонѣ Ферейскомъ (Cicero de natura deor.

¹⁾ Мы сказали, что Ясонъ женился по расчету, но это не должно казаться предосудительнымъ, вслѣдствіе того, что это былъ обычный способъ заключенія браковъ въ Греціи. Затворничество дѣвушекъ не давало возможности знакомиться молодымъ людямъ до брака. Съ другой стороны бракъ не налагалъ на мужа никакихъ обязательствъ въ вѣрности своей женѣ (Ваксмутъ II, 386).

²⁾ Leonard Hamming, De Iasone Pherarum tyranno. Trajecti ad Rhenum 1828. Приведенныя мною мѣста изъ этой книги цитованы со словъ Ливингера, такъ какъ мнѣ не удалось достать самой книги.

III, 28; Valer. Maxim. I, 8 et 6 Plinius VII, 51) ¹⁾. На основаніи этого совпаденія, Пале догадывается, что Ясонъ и Прометей одно и то же лице, и доказкою этою объясняетъ отношенія Ясона къ Линофрону, даже опредѣляетъ, что Ясону въ годъ его смерти, то-есть въ 370 г., было отъ 56—60 лѣтъ. Но именно это заключеніе о возрастѣ Ясона главнымъ образомъ служитъ опроверженіемъ означенной догадки. Изъ того, что тотъ же анекдотъ приписывается разными авторами двумъ лицамъ, нельзя еще заключать объ ихъ тождествѣ, особенно, когда плодомъ отождествленія является анахронизмъ. Мнѣ кажется, что невозможно давать Ясону 60 лѣтъ, когда мы знаемъ его предпримчивость, искавшюю все новыхъ и труднѣйшихъ предпріятій, и его неутомимую физическую дѣятельность. Положимъ, бывають примѣры большой физической силы въ эти годы; мы знаемъ, что Марій семидесяти лѣтъ отъ роду составлялся съ юношами въ гимнастическихъ упражненіяхъ на Марсовомъ полѣ (Plut. Marius, c. 34), но врядъ ли Ясонъ въ своей рѣчи къ Полидаманту могъ въ такой случаѣ выставить себя образцомъ для своихъ наемниковъ въ отношеніи возраста и силы. Онъ говоритъ: τὰ μὲν ἐκ τῶν πόλεων πρᾶτ' αὐμάτων τοὺς μὲν προσληλυθότας ἤδη ταῖς ἡλικίαις ἔχει, τοὺς δ' ὀψω ἀκμάζοντας, σωμασχοῦσι γὰρ μὲν μάλα ὀλίγοι τινὲς ἐν ἑκάστῃ πόλει, παρ' ἐμοὶ δὲ οὐδεὶς μισθοφορεῖ, ὅστις μὴ ἰκανός ἐστιν ἰσα κινεῖν ἐμοὶ (Hell. VI, 1, 5).

Къ этимъ возраженіямъ Либингеръ (стр. 36) ²⁾ прибавляетъ еще одно: если Ясонъ дѣйствовалъ уже въ 406 г., то неужели можно допустить, зная его неутомимую энергію и дѣятельность послѣ 377

¹⁾ Либингеръ и Пале приписываютъ эту догадку Виттенбаху. Но они введены имъ въ заблужденіе. Онъ говоритъ «nascitur conjectura», то-есть вѣроятно въ его головѣ, а на дѣлѣ выходитъ другое. Виттенбахъ издалъ *Moralia Plutarchi* въ 1795—1802, А. Рейске издалъ VI томъ Плутарха въ 1777 г. и привод. къ нашему мѣсту примѣчаніе Ксиландера, издавшаго *Moralia* въ 1561—1570 гг. *Prometheum nunc a Plutarcho vix dici credo, cum et alii et Cicero Iasonem vocent Phraeam*. Стало быть, честь этой догадки принадлежитъ Ксиландеру, а не Виттенбаху, пользовавшемуся его переводомъ и примѣчаніями. У меня не было первоначальнаго изданія Ксиландера, а только *Plutarchi Chaer. omnia ed. Ioannes Rualdus Lutetiae 1624*.

²⁾ Либингеръ впадаетъ въ забавный анахронизмъ, говоря на 35 страницъ: *admirandum esset, si Theramenes Iasonem brevi Prometheum nominaret neque ullo modo quam illustrem virum dicere vellet, significaret*. Тераменъ умеръ въ 404 году, а Ясонъ былъ извѣстенъ въ 375—370 году. Либингеръ вѣроятно хотѣлъ сказать, что удивительно, что Ксенофонтъ, приводя или лучше, сочиняя эту рѣчь, ничего не сказалъ о дальнѣйшихъ судьбахъ этого Прометея.

года, что онъ около 30-ти лѣтъ бездѣйствовалъ. Мы знаемъ вполне достоверно, что Ясонъ въ концѣ 80-хъ годовъ IV вѣка не имѣлъ никакого вліянія, не только въ Фессаліи, но даже и въ Ферахъ, иначе—какъ допустить, что авторы ничего не упоминаютъ о немъ, когда разказываютъ о проходѣ Спартанскихъ войскъ черезъ Фессалію: въ 383 году прошелъ Евдамидъ, посланный къ Олинеу, затѣмъ Телевтіи въ 382, Агезиполидъ въ 381 году.

Мы не встрѣчаемъ у авторовъ имени Ясона раньше 377 года по очень простой причинѣ: онъ сдѣлался тиранномъ только въ 378 году или около того. Въ 379 году произошло освобожденіе Фивъ отъ спартанскаго гарнизона и началось паденіе Спарты и ея вліянія на эллинскія дѣла. Это обстоятельство, конечно, было благопріятно для возвышенія Ясона, врага Спартанцевъ, какъ мы это увидимъ ниже.

Для насъ теперь ясно, что Ясонъ сталъ тиранномъ около 378 года; въ этомъ убѣждаютъ насъ молчаніе авторовъ объ его прежней дѣятельности и, наконецъ, два обстоятельства, способствовавшія безъ сомнѣнія, его возвышенію и случившіяся въ это время: женитьба Ясона на дочери Ликофрона и паденіе спартанскаго вліянія.

Въ 377 году Ясонъ способствовалъ какому-то Неогену стать тиранномъ въ Гистіей (Diod. XIV, 30) при слѣдующихъ обстоятельствахъ: у Фиванцевъ въ этомъ году случился голодъ, вслѣдствіе того, что они два года не могли собрать жатвы, уничтоженной врагами (Hell. V, 4, 56). Они послали въ Пагазы двѣ тріеры закупить хлѣба на десять талантовъ. Когда эти тріеры, нагруженные купленнымъ хлѣбомъ, возвращались, то были захвачены Алкетомъ, начальникомъ Лакедемонскаго гарнизона въ Гистіей. Забравъ ихъ, онъ заключилъ въ оковы экипажъ, численность коего доходила до 300 человекъ, и помѣстилъ ихъ въ замкѣ. Но плѣнные, замѣтивъ небрежное отношеніе къ своему дѣлу Алкета, возстали во время одной изъ его частныхъ отлучекъ и завладѣли замкомъ. Видя сочувствіе народа къ Фиванцамъ, овладѣвшимъ замкомъ, Лакедемоняне удалились, а въ Гистіей, съ помощью Ясона, сдѣлался тиранномъ Неогенъ. Однако, его правленіе не долго продолжалось, такъ какъ онъ своею жестокостію возбудилъ ненависть жителей. Лакедемоняне воспользовались этимъ настроеніемъ гражданъ и послали къ нимъ Фериппида, который, прогнавъ тиранна, снова привлекъ на сторону Спарты симпатіи Гистіей.

Изъ этихъ событій видно, что если Фиванцы покупали хлѣбъ въ Пагазахъ, Ферейской гавани, то могли дѣлать это только съ согласія Ферейскаго тиранна. Такимъ образомъ, Ясонъ находился въ

хорошихъ отношеній съ Ѡиванцами и дѣйствовалъ противъ Лакедемонянъ, враговъ Ѡиванцевъ, то-есть произошла перемѣна въ группировкѣ союзниковъ. Во времена Ликофрона Спартанцы были его друзьями и союзниками, Ѡиванцы же и аристократическая партія Ѡессалійская — ихъ противниками. Молчаніе авторовъ о Ѡессалійскихъ дѣлахъ между 394 и 377 годами заставляетъ насъ снова обратиться къ соображеніямъ и догадкамъ для объясненія этой перемѣны. Въ концѣ 395 года или началѣ 394, Ликофронъ былъ изгнанъ изъ Феръ и вслѣдъ за тѣмъ Алевады и вообще олигархическая партія усилилась и приобрѣла во всей Ѡессаліи власть, которую она дала почувствовать Агезилаю въ 394 году. Затѣмъ, когда Лакедемонянамъ случалось опять проходить по Ѡессаліи въ 383—381 годахъ, то они, будучи не въ состояніи мстить олигархической партіи за ея враждебность къ Агезилаю, предали забвенію этотъ фактъ и заключили дружбу, а можетъ быть и союзъ съ нею. Олигархи охотно склонились къ этому, съ одной стороны потому, что лакедемонскія дѣла шли тогда весьма хорошо, съ другой потому, что они, вѣроятно, предчувствовали возвышеніе противной имъ народной партіи въ Ѡессаліи и восстановленіе Ферейской тиранніи Ясономъ. Не смотря на означенный союзъ, олигархи вскорѣ были побиты Ясономъ, такъ какъ мы видѣли, что онъ достигъ власти около 378 года, и, благодаря его необычайнымъ военнымъ и государственнымъ талантамъ, его власть стала быстро распространяться; въ 374 году ему оставалось покорить только Фарсалъ. Прежде чѣмъ приступить ко взятію города открытою силою, онъ началъ переговоры съ Полидамантомъ, чтобы склонить его къ союзу безъ пролитія крови.

Полидамантъ былъ человѣкъ весьма вліятельный не только въ Фарсалѣ, но и во всей Ѡессаліи (Hell. VI, 1, 2, 3). Онъ, вѣроятно, принадлежалъ къ знатному роду Алевадовъ (см. Buttman'a); всѣ Фарсалцы безъ различія партій почитали его такъ, что во время смутъ выбрали его единодушно для управленія городомъ и передали ему и крѣпость и финансовое управленіе. Когда оказывался дефицитъ въ бюджетѣ, Полидамантъ покрывалъ его взносомъ собственныхъ денегъ; въ концѣ каждаго года онъ отдавалъ отчетъ въ расходахъ. Всѣ были имъ довольны, такъ какъ онъ былъ весьма гостепріимнымъ человѣкомъ и имѣлъ широкую натуру, свойственную Ѡессалійцамъ.

Ясонъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Полидамантъ, я могу взять Фарсалъ открытою силою, ты въ этомъ убѣдишься изъ

моихъ словъ. Въ союзѣ со мною большинство главныхъ городовъ Фессаліи, и я ихъ отторгнулъ отъ вашего союза, не смотря на ваше сопротивленіе. Ты знаешь, что у меня 6,000 наемниковъ, съ которыми, по моему мнѣнію, ни одинъ городъ не можетъ помѣряться. Иной городъ, пожалуй, и выставитъ равное число воиновъ, но изъ нихъ многіе будутъ слишкомъ стары, другіе слишкомъ молоды.

„Къ тому же въ каждомъ городѣ число гражданъ, развивающихъ свои силы упражненіемъ, весьма ограничено. У меня же нѣтъ такого наемника, который не могъ бы перенести равныхъ мнѣ трудовъ“. Затѣмъ Ясонъ перечислилъ Полидаманту своихъ союзниковъ, въ числѣ которыхъ были Домены, Марани и Алкетъ, царь или князь Эмирскій. „Съ такими силами, чего мнѣ бояться“ продолжалъ онъ, „неужели я не въ правѣ думать, что легко одержу побѣду надъ вами. Быть можетъ, кто-нибудь, не знающій меня, спросилъ бы, почему я медлю напасть на Фарсалъ. Потому, отвѣтилъ бы я ему, что для меня гораздо лучше, если вы перейдете на мою сторону по доброй волѣ, а не насильно. Если вы перейдете на мою сторону по убѣжденію, то, понятно, мы оба будемъ стараться по возможности работать для нашего взаимнаго возвышенія. Въ противномъ случаѣ, вы будете стараться мнѣ вредить, а я буду стараться ослаблять васъ. Я знаю, Полидамантъ, что твое отечество ожидаетъ твоего рѣшенія, чтобы послѣдовать твоему примѣру; если ты расположишь своихъ согражданъ ко мнѣ, то я обещаю сдѣлать тебя сильнѣйшимъ человѣкомъ въ Элладѣ послѣ меня. Выслушай, при какихъ обстоятельствахъ это все случится и правдоподобно ли все это. Если Фарсалъ и города, зависящіе отъ васъ, перейдутъ на мою сторону, то я легко буду выбранъ въ тагосы, а когда въ Фессаліи является тагосъ (ὄταν ταγούται Θεσσαλία), то ея силы доходятъ до 6,000 всадниковъ и болѣе 10,000 оплитовъ. Съ такими силами, зная физическія и нравственныя качества Фессалійцевъ, я не думаю, чтобы при хорошемъ управленіи, имъ слѣдовало быть въ зависимости отъ какого бы то ни было народа. Фессалія и сама весьма обширна, но когда въ ней назначается тагосъ, то всѣ окружающіе ее народы подчинены ей. Почти всѣ они вооружены дротиками, такъ что весьма вѣроятно, что наше войско будетъ превосходить всѣ прочія числомъ пельтастовъ. Въ союзѣ со мною Беотійцы и всѣ прочіе враги Лакедемонянъ, и я думаю, что они подчинятся мнѣ, если только я ихъ освобожу отъ Лакедемонянъ. Я хорошо знаю, что и Аѣниныне будутъ всѣми силами добиваться нашей дружбы, которой

я, однако, имъ не дамъ, такъ какъ я считаю, что еще гораздо легче намъ достигнуть гегемоніи на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Въ подтвержденіе моего взгляда, выслушай слѣдующее: захвативъ Македонію, откуда и Аѳиняне берутъ строевой лѣсъ, мы будемъ въ состояніи строить гораздо больше кораблей, чѣмъ они. Составить экипажъ для этого флота намъ, имѣющимъ столько пенесовъ, будетъ гораздо легче, чѣмъ Аѳинянамъ; дешевле будетъ и содержаніе этого экипажа, такъ какъ мы вывозимъ изъ нашей страны избытокъ хлѣба, а Аѳиняне покупаютъ его за границей даже для собственныхъ гражданъ. Мы будемъ обладать большими богатствами, чѣмъ они, такъ какъ Аѳиняне пользуются доходами съ ничтожныхъ острововъ, а мы будемъ получать дань съ народовъ, живущихъ на материкѣ, ибо когда въ Тессаліи тагось, то всѣ народы, живущіе кругомъ ея, платятъ ей дань. Ты, конечно, знаешь, что царь персидскій — самый богатый изъ смертныхъ вслѣдствіе того, что онъ пользуется доходами не съ островитянъ, а съ жителей материка. Я думаю, что сдѣлать его подвластнымъ намъ, легче, чѣмъ покорить Элладу, такъ какъ всѣ тамошніе люди, кромѣ одного, болѣе думаютъ о рабскомъ подчиненіи, чѣмъ о храбрости. Я знаю, что царь персидскій былъ поставленъ въ безвыходное положеніе ничтожными силами Кира и Агезилая¹⁾.

Такова была рѣчь, съ которою Ясонъ обратился къ Полидаманту, чтобы склонить его перейти на его сторону и убѣдить Фарсальцевъ сдѣлать то же. Полидамантъ былъ пораженъ дальновидностью своего противника и плѣненъ заманчивостью его предложеній. Онъ былъ готовъ перейти на его сторону, но голосъ совѣсти удержалъ его отъ этого поступка. Лакедемоняне находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нимъ и съ его партіей, то-есть съ высшею аристократіей, и ему было совѣстно перейти къ ихъ врагамъ, не имѣя повода жаловаться на нихъ. Какъ человекъ честный и прямодушный, Полидамантъ высказалъ все это Ясону, который похвалилъ его за эту вѣрность союзникамъ и прибавилъ, что теперь, когда онъ узналъ Полидаманта съ такой выгодной для него стороны, ему еще болѣе хочется сдѣлаться его другомъ. Онъ предложилъ Полидаманту съѣздить въ Спарту за помощью, но прибавилъ, что въ случаѣ, если Фарсальцы не перейдутъ добровольно на его сторону, онъ принудитъ

¹⁾ Въ этой рѣчи Ясонъ постоянно говоритъ «вы, ваше»; я думаю, что множественное число относится вообще къ олигархамъ Тессаліи.

ихъ къ тому силою. „Если Лакедемоняне дадутъ тебѣ достаточно войска, чтобы сразиться со мною, то испытаетъ счастье въ сраженіи. Если же они тебѣ не дадутъ достаточной помощи, то неужели ты поступишь противъ блага твоего отечества, которое тебя любитъ и которому ты такъ отлично служишь“.

Прибывъ въ Спарту, Полидамантъ напомнилъ Лакедемонянамъ, что онъ имѣетъ обыкновеніе обращаться къ нимъ за совѣтомъ и помощью, когда находится въ затруднительномъ положеніи, и доносить имъ, когда дѣла ессалійскія принимали неблагоприятный для нихъ оборотъ. Онъ оказывалъ имъ и другія еще услуги, такъ какъ онъ и, съ давнихъ поръ, его предки были лакедемонскими проксе-нами. Затѣмъ довольно подробно передавши рѣчь Ясона, онъ началъ сообщать имъ свѣдѣнія о своемъ противникѣ ¹⁾. „Будучи отъ природы весьма силенъ, онъ очень трудолюбивъ и каждый день онъ упражненіемъ развиваетъ свои силы. Онъ постоянно въ полномъ вооруженіи присутствуетъ при упражненіяхъ своихъ войскъ и никогда никакія развлеченія не отрываютъ его отъ дѣла. Относительно чувственныхъ наслажденій—онъ самый воздержный человекъ изъ всѣхъ, которыхъ я зналъ. Онъ увольняетъ отъ службы тѣхъ изъ своихъ наемниковъ, которыхъ считаетъ изнѣженными, а тѣхъ, которые на войнѣ съ охотою переносятъ труды и опасности, онъ награждаетъ двойнымъ, тройнымъ и даже четвернымъ жалованьемъ. Кромѣ того, онъ даетъ своимъ наемникамъ и другіе подарки; лечитъ ихъ отъ болѣзней и чествуетъ пышными похоронами послѣ смерти, такъ что они знаютъ, что на его службѣ военная доблесть доставляетъ самую почетную и роскошную жизнь“. Описавъ такими словами Ясона, Полидамантъ высказалъ Спартянцамъ свое мнѣніе о размѣрахъ помощи, въ которой нуждался. Ему не надо какихъ-нибудь неодамодовъ подъ команду простаго гражданина; въ такомъ случаѣ онъ совѣтуетъ имъ лучше не беспокоиться и оставаться дома. Вспомогательное войско должно быть многочисленно и сильно. Въ такомъ случаѣ, города вѣроятно отложатся отъ Ясона, такъ какъ всѣ со страхомъ недоумѣваютъ, до какихъ предѣловъ будетъ увеличиваться его власть. „Надо вамъ знать“, продолжалъ Полидамантъ, „что придется вести войну съ такимъ расчетливымъ полководцемъ, который рѣдко ошибается, намѣревается ли онъ скрыть свой планъ, или предупредить своего врага,

¹⁾ Изъ этихъ словъ Полидаманта можно видѣть обязанности проксена. Вак-муть цитуетъ это мѣсто, говоря о проксенахъ, I, 169.

или открыто на него напасть. Онъ умѣетъ одинаково пользоваться и днемъ, и ночью, а когда торопится, то разъ съѣвши что-нибудь, довольствуется этимъ, какъ обѣдомъ и ужиномъ. Онъ думаетъ, что слѣдуетъ отдыхать, достигнувъ цѣли, и его наемники привыкли къ этому, и онъ умѣетъ исполнять ихъ желанія, когда ими доволенъ. Они знаютъ хорошо, что трудами у него достигаются наслажденія“. Представивъ въ такихъ словахъ положеніе дѣлъ въ Фессаліи, Полидамантъ спросилъ Лакедемонянъ, что они намѣрены дѣлать? Три дня провели они въ раздумьѣ, пересчитали сколько у нихъ отрядовъ (μῦραι) за границей, сколько надо имѣть ихъ около Спарты для защиты отъ аѳинскихъ тріархъ, сколько наконецъ, для войны съ сосѣдями, и отвѣтили, что не могутъ дать достаточной помощи, а συμβούτουνъ ему, возвратившись въ Фарсаль, поступить сообразно съ интересами его родины.

Полидамантъ, похваливъ простоту Спарты (говоритъ Ксенофонтъ), вернулся въ Фарсаль и теперь, чувствуя себя свободнымъ отъ своихъ обязательствъ, перешелъ на сторону Ясона. Но ему было весьма непріятно впустить чужой гарнизонъ въ Фарсальскій акрополь, который былъ ему порученъ для охраны. Поэтому онъ выпросилъ себѣ у Ясона право по прежнему занимать крѣпость и отдалъ Ясону, въ залогъ своей вѣрности, своихъ дѣтей. Вслѣдъ за этимъ онъ убѣдилъ Фарсаль перейти на сторону Ясона, который, благодаря вліянію Полидаманта, былъ единодушно избранъ Фессалійцами тагосомъ.

Описаніе Ксенофонтомъ свиданія Ясона съ Полидамантомъ и пребыванія этого послѣдняго въ Спартѣ, служить главнымъ основаніемъ біографіи великаго тиранна Феръ.

Ясонъ былъ одаренъ большою физическою силою, которую постоянно развивалъ: на войнѣ, переносилъ всѣ трудности похода наравнѣ съ простыми воинами, въ мирное время, принимая дѣятельное участіе въ ежедневныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ своего войска. Онъ не тратилъ силъ и времени на чувственныя удовольствія, на оргіи, поворившія жизнь прочихъ тиранновъ. Къ нему могъ бы относиться стихъ Овидія (Fast., I, 301): „Non venus et vinum sublimia pectora fregit“.

Вѣчно занятый, онъ неутомимо стремился къ одной цѣли — сдѣлаться первымъ человекомъ, тиранномъ Элады: къ этому побуждало его сильное, ненасытное честолюбіе, заставлявшее его говорить, что онъ голоденъ, когда не у власти (Arist. Polit., III, 2, 6). Чтобы достигнуть этого положенія, онъ сперва хотѣлъ стать тагосомъ, то-есть,

объединить всю Фессалию подъ своею властью, затѣмъ уже добиваться гегемоніи въ Греціи. Онъ зналъ, что Фессалійцы будутъ помогать ему въ этомъ, такъ какъ, съ одной стороны, заграничная война будетъ отвлекать ихъ вниманіе отъ внутреннихъ раздоровъ, съ другой надежда сдѣлаться первымъ народомъ Эллады, безъ сомнѣнія, должна была льстить ихъ племенной гордости. Достигнувъ гегемоніи въ Греціи, онъ намѣревался вести всѣхъ Эллиновъ противъ ихъ вѣковаго врага — царя персидскаго. Онъ надѣялся, что передъ такимъ грандіознымъ, общегреческимъ предпріятіемъ замолкнутъ всѣ мелкія вражды, губившія Грецію.

Такимъ образомъ, Ясонъ умѣлъ облагораживать свое честолюбіе служеніемъ великимъ панэллинскимъ стремленіямъ.

Первымъ его шагомъ для достиженія своей цѣли было образованіе сильнаго наемнаго войска, которое въ 375 году доходило до 6000 чел. На ихъ содержаніе онъ тратилъ все свое состояніе, которое было значительно, такъ какъ онъ принадлежалъ къ богатому семейству, и къ тому же онъ увеличивалъ свои доходы всевозможными средствами, вымогая деньги у своихъ родныхъ. Разъ онъ вбѣжалъ въ домъ своей матери, запыхавшись и въ испугѣ, притворяясь, что наемники преслѣдуютъ его, требуя уплаты жалованья. Мать, чтобы спасти своего сына, выдала имъ жалованье. Нѣсколько времени спустя послѣ скораго и счастливаго окончанія похода, Ясонъ сказалъ своей матери, что онъ обѣщался устроить пиръ въ честь Діоскуровъ, явно помогавшихъ ему на войнѣ. Повѣривъ ему, мать дала всю свою драгоценную утварь и посуду для пира, а онъ, пригласивъ всѣхъ начальниковъ своего войска, роздалъ имъ взамѣнъ платы всѣ эти драгоценности. Онъ еще нѣсколько разъ обманывалъ свою мать, захватывая ея рабынь и требуя за нихъ выкупа. Своихъ братьевъ онъ точно также обманывалъ. У него былъ очень богатый братъ Меріонъ, который ему ничего не давалъ, замѣчаетъ Полиэнь. У Меріона родился сынъ и онъ пригласилъ на пиръ знатнѣйшихъ Фессалійцевъ, а Ясона попросилъ председательствовать на пирѣ и дать ребенку имя. Ясонъ въ день пира отправился подъ предлогомъ охоты въ Пагазы, гдѣ находились имѣнія брата, и вымогательствомъ получилъ отъ управляющихъ Меріона 20 талантовъ серебра. Затѣмъ, поспѣвъ на пиръ, онъ уступилъ брату честь выбрать имя для сына. Меріонъ, узнавъ о случившемся, далъ ребенку имя *Πορδαῖον*, т. е. грабитель.

Разъ въ банѣ онъ попросилъ своего брата Полидора натереть ему тѣло. Полидоръ согласился, снялъ съ его пальца перстень и далъ

держатъ его вѣрному человѣку. Все уже было устроено заранее. Этотъ человѣкъ побѣждалъ къ женѣ Полидора и, показавъ перстень ея мужа, получилъ отъ нея десять талантовъ золотомъ. По возвращеніи этого слуги, знакомъ дали повясть Ясону, что его планъ исполненъ. Тогда Ясонъ, поблагодаривъ брата, попросилъ его прекратить натираніе тѣла (Polyaen. VI 2, 3, 4, 5) ¹⁾.

Мы уже выше указали—на сколько надо довѣрять этимъ рассказамъ, но все-таки мы узнаемъ изъ нихъ, что Ясонъ не былъ разборчивъ въ средствахъ для пріобрѣтенія денегъ, и объяснялъ самъ свои поступки слѣдующими словами: *δαῖ ἀδικοῦν ἄντα, ὅπως δύνῃται καὶ δίκαια πολλὰ ποιεῖν* (Arist. Rethor. I, 12, 31). Вообще, можно думать, что онъ прилагалъ къ дѣлу правило „цѣль оправдываетъ средства“, такъ какъ ему приписывается Плутархомъ еще слѣдующее изреченіе: *ἀναγκαῖον ἀδικοῦν τὰ μικρὰ τοὺς βουλομένους τὰ μεγάλα δικαιοπραγεῖν* (πολιτικά παραγγέλματα § 817).

И такъ, мы сказали, что Ясонъ тѣмъ, или другимъ способомъ, всегда умѣлъ достать денегъ для уплаты жалованья своимъ наемникамъ. Онъ этимъ предупреждалъ мятежи и не долженъ былъ входить съ ними въ умаляющія его значеніе сдѣлки, какъ Діонисій Старшій (Grote, XI, 2). Наемное войско было предметомъ постоянныхъ заботъ Ясона, онъ не допускалъ въ число своихъ наемниковъ человѣка, уступавшаго ему въ физической силѣ, и какъ только замѣчалъ уклоненія отъ тягостей службы, тотчасъ-же увольнялъ такого воина.

Ясонъ имѣлъ дѣло съ наемниками, не знавшими ни родины, ни привязанностей, и для которыхъ война была ремесломъ. Греческій наемникъ былъ на столько развитъ, что надо было дѣйствовать на его разумъ; чтобы привязать его къ службѣ, надо было доказать, что лучшаго положенія онъ нигдѣ не найдетъ. Ясонъ отлично это понималъ, онъ зналъ также, что цѣль службы наемниковъ есть нажива и удовольствія, доставляемые деньгами, поэтому онъ постоянно вы-

¹⁾ Есть у Полиана, III, 40, анекдотъ объ уловкѣ Ионикрата, которую онъ употребилъ, чтобы заставить Ясона подписать невыгодныя условія одного договора. Однако трудно допустить, что этотъ анекдотъ относится къ Ионикрату и Ясону. Кромѣ того обстоятельства, что мы ничего не знаемъ о сношеніяхъ Ясона съ Афинянами до 373 г. и что намъ, напротивъ того, извѣстно, что Ясонъ былъ враждебно къ нимъ настроенъ до этого времени, невозможно найти въ карьерѣ Ионикрата времени, куда отнести этотъ рассказъ.

ставлялъ имъ на видѣ, что *ἐκ τῶν πόνων τὰ μαλακὰ γίγνεται*. Наемникъ Ясона зналъ, что въ случаѣ исполненія своего дѣла, его жалованье увеличится въ два, въ три и даже въ четыре раза; что за каждый выдающійся подвигъ онъ получитъ, независимо отъ жалованья, особенные подарки; что, въ случаѣ болѣзни или раны, его будутъ лечить; что даже послѣ смерти заботливость Ясона не оставитъ его тѣла и оно будетъ почтено приличными похоронами. Ясонъ всегда имѣлъ обыкновение, когда воины исполняли хорошо возложенную на нихъ задачу, давать имъ отдыхъ и исполнять ихъ разумныя желанія. Такимъ глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы и умѣніемъ обращаться съ наемниками онъ достигъ того, что войско постоянно ему повиновалось и никогда ему не приходилось хитрить и обманывать своихъ наемниковъ, какъ это дѣлалъ Клеархъ, чтобы побудить своихъ воиновъ слѣдовать за Киромъ во внутреннія земли Азіи; ему не нужно было разыгрывать комедіи предъ ними, какъ это случилось съ Агаэекломъ, который только этимъ могъ уладить смуты, происшедшія въ средѣ его наемниковъ послѣ ссоры его сына Архагаеа съ Ликискомъ, однимъ изъ наемныхъ офицеровъ.

Своею заботливостію о войскѣ Ясонъ умѣлъ вселить въ него отличный духъ, а постояннымъ упражненіемъ сдѣлалъ изъ него превосходное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Онъ умѣлъ имъ пользоваться, такъ какъ былъ отличный полководецъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ и его постоянный усилъ, и характеристика его военныхъ способностей, сдѣланная Полидамантомъ. Всѣ его дѣйствія были основаны на атакахъ вѣрныхъ расчетахъ, что почти всегда удавались. Онъ умѣлъ держать въ тайнѣ свои планы, предпринималъ ночныя атаки, дѣлалъ форсированные марши, и съ одинаковымъ успѣхомъ нападалъ на враговъ врасплохъ и открыто; онъ умѣлъ дѣлать засады съ необыкновеннымъ искусствомъ (*Cicero de Off I, 30, § 108*), словомъ, онъ не уступалъ въ военномъ искусствѣ никому изъ современныхъ полководцевъ.

При такихъ дарованіяхъ и съ такимъ отличнымъ войскомъ, Ясонъ до 374 года покорилъ большую часть ессалійскихъ городовъ, не смотря на оказанное ими сопротивленіе. Понятно, что династы, правившіе въ этихъ городахъ, и вся высшая ессалійская знать, изъ которой династы происходили, составили союзъ для общей обороны, но они были покорены и во все время управленія Ясона не слыхать было ничего объ Алевадахъ и прочей знати. Весьма возможно, что они были связаны выдачею заложниковъ и, видя полное довольство народа

ничего не предпринимали. Ясонъ привелъ Алкета ¹⁾, правителя Молоссовъ, въ союзъ близкій къ подчиненію, и покорилъ нѣсколько пограничныхъ съ Эссалией племена Мараконъ и Долоповъ. Въ 374 году ему оставалось покорить только Фарсалъ. Мы видѣли раньше, какъ онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону Полидаманта, знатнаго Алевата. Благодаря своему политическому такту и вліянію Полидаманта, онъ былъ избранъ въ тагосы и такимъ образомъ ближайшая его цѣль, — объединеніе Эссалии подъ его властью, была достигнута. Ясонъ не сталъ злоупотреблять своею властью, онъ былъ слишкомъ уменъ и дальновиденъ для этого, напротивъ, пользовался ею умеренно и согласно установившимся обычаямъ. Онъ постановилъ, сколько каждый городъ долженъ выставить оплитовъ и всадниковъ и такимъ образомъ образовалось у него войско въ 8,000 всадниковъ, 20,000 оплитовъ, а пельтастовъ было столько, что ихъ можно было бы противопоставить всему роду человѣческому, какъ замѣчаетъ Ксенофонтъ (Hell. VI, 1, 19). Такимъ образомъ мы видимъ, что въ своей рѣчи къ Полидаманту, Ясонъ не преувеличивалъ силъ соединенной Эссалии. Напротивъ, цифры, выставленныя имъ, оказались гораздо ниже дѣйствительности. Онъ наложилъ на всѣхъ періэковъ дань, которую они платили при Скопасѣ ²⁾.

Ясонъ, достигнувъ власти, не произвелъ ниской ломки въ устройствѣ страны; онъ возобновилъ старыя забытыя учрежденія, даже не былъ противъ извѣстной доли автономіи. Быть можетъ, онъ это дѣлалъ, чтобы показать всей Греціи свою умеренность и приобрести

¹⁾ Алкетъ у Ксеноф. Hell. VI, 1, 7 названъ Ἰπάρχος, VI, 2, 10 титулъ его не упоминается. У Діодора XV, 13 и XV, 36 онъ названъ царемъ. Μάρχοι только разъ еще встрѣчаются, именно у Плинія Histor. Natur. VI; sect. 3, называются Μαγασες и упоминаются вмѣстѣ съ Долопами.

²⁾ Hell. VI, 1, 19 φόρος ὁσπερ ἐπὶ Σκόπῃ τεταγμένως, то-есть говорится о Скопасѣ, какъ бы извѣстномъ лицѣ. Однако, рѣшить, какой это былъ Скопасъ, трудно. Буттманъ (196 стр.) думаетъ, что тутъ говорить Ксенофонтъ о Скопасѣ III, жившемъ во время Кира Младшаго и пославшаго ему въ даръ драгоценное ожерелье, какъ рассказываетъ Эліанъ въ Var. Hist. Если бы Ксенофонтъ хотѣлъ говорить о Скопасѣ II, рассуждаетъ Буттманъ, то онъ выразился бы точнѣе, такъ какъ тотъ жилъ въ эпоху весьма отдаленную, именно около 65 олимп., то-есть 520 г. Положимъ, что съ этимъ можно согласиться; но съ другой стороны остается еще доказать, что Скопасъ III былъ тагосъ, то-есть имѣлъ власть раскладывать дань на періэковъ, а этого именно съ достоверностью сдѣлать нельзя. Фактъ, что Скопасъ III былъ тагосъ, есть не болѣе, какъ догадка Буттмана.

ея довѣріе, но во всякомъ случаѣ, онъ заявилъ себя владѣтелемъ кроткимъ и уважающимъ чужія права, стоявшимъ несравненно выше сиракузскихъ тиранновъ, переселявшихъ, или лучше, переносившихъ цѣлые города съ мѣста на мѣсто, сообразно своимъ личнымъ выгодамъ. Въ 373 году Тимоеей, плывя вдоль ѳессалійскаго берега, остановился въ Пагазахъ и, пробывъ тамъ или въ Ферахъ нѣсколько времени, сумѣлъ подружиться съ Ясономъ и склонить его къ союзу съ Аѳинами ¹⁾. Изъ рѣчи Ясона къ Псидидаманту мы видѣли, что Ясонъ въ 374 году считалъ для себя союзъ съ Аѳинянами невыгоднымъ, такъ какъ онъ думалъ, что ему легче будетъ достигнуть гегемоніи на морѣ чѣмъ на сушѣ, и доказывалъ, что для ѳессаліи весьма легко создать флотъ при избыткѣ лѣса въ Македоніи, найдти людей для экипажа при множествѣ пенестовъ, и содержать его при плодородіи почвы ѳессалійской. Въ виду этого для насъ съ перваго взгляда непонятно, почему Ясонъ такъ скоро переимѣнилъ свои воззрѣнія и вступилъ въ союзъ съ Аѳинами. Мнѣ кажется, это произошло отъ того, что ему не удалась попытка создать флотъ. Весьма возможно, что Ясонъ выстроилъ себѣ извѣстное число тріэръ; это, дѣйствительно, было не трудно при избыткѣ лѣса. Тріэры строились все по одному образцу, и при ихъ постройкѣ нисколько не заботились о математическихъ соображеніяхъ, о формѣ ихъ, а надѣялись, что при хорошихъ гребцахъ онѣ даже съ недостатками въ лиціяхъ и формахъ, будутъ удовлетворять своему назначенію ²⁾. Гораздо труднѣе было создать экипажъ: пенестовъ, пожалуй, было сколько угодно, но гребцовъ нельзя было найдти, особенно греческихъ гребцовъ, при ужасной трудности ихъ службы. Наша догадка подтверждается еще тѣмъ, что впоследствии мы ни разу не слышимъ о дѣйствіяхъ флота Ясона. Если бы онъ существовалъ, то трудно предположить, чтобы такой предприимчивый человѣкъ, какъ Ясонъ, не сумѣлъ имъ воспользоваться. Единственное упоминаніе о тріэрахъ Ясона находимъ у Ксенофонта (Hellen.

¹⁾ Пребываніе Тимоеея у Ясона нигдѣ не упоминается, но необходимо должно было происходить, такъ какъ вытекаетъ изъ событій, описанныхъ авторами. Этимъ объясненіемъ мы обязаны Гроту (X, 199). Такъ какъ все авторы, писавшіе послѣ Грота, приняли его предположеніе, какъ достовѣрный фактъ, то я считаю лишнимъ приводить здѣсь его доказательства.

²⁾ Приэръ Римлянъ, создавшихъ флотъ въ два мѣсяца, нисколько не противорѣчитъ нашему воззрѣнію: во первыхъ, Карфагенскій флотъ никогда не могъ равняться греческому по искусству маневрированія, во вторыхъ, абортанная морская битва превратилась въ сухопутную.

VI, 4, 21), который рассказывает, что, будучи призванъ на помощь послѣ битвы при Левктрахъ Беотійцами, онъ приказалъ приготовить свои тріеры для перевозки его войскъ въ Беотію. Но это была только одна изъ тѣхъ хитростей, которыя Ясонъ часто употреблялъ на войнѣ.

И такъ, я думаю, что Ясонъ оттого отказался отъ своихъ плановъ на морскую гегемонію, что увидѣлъ всю трудность ихъ исполненія, и поэтому согласился заключить союзъ съ Аѳинянами. Курціусъ (III, 291) и Либингеръ (42 стр.) приписываютъ эту перемену во взглядахъ Ясона вліянію на него замѣчательной личности Тимофея, но мнѣ кажется, что Ясонъ не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы измѣнять свои планы подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній. Онъ заключилъ союзъ съ Аѳинами, потому что это ему казалось выгоднымъ. Гораздо правдоподобнѣе то, что Тимофеемъ содѣйствовалъ установленію дружбы между Ясономъ и Аѳинами.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно въ ноябрѣ 373 года, Тимофеемъ былъ призванъ къ суду Аѳинянами, и по обычаю собралъ всѣхъ своихъ родныхъ и друзей, чтобы съ помощью ихъ вліять на судей. Въ числѣ ихъ Аѳиняне могли видѣть сильнѣйшаго человѣка Греціи, Ясона, и его союзника Алкета. Алкетъ и Ясонъ прибыли въ Аѳины въ Маймактеріонѣ мѣсяцѣ (ноябрѣ, Schaefer I, 56) въ темный зимній вечеръ. Остановились они въ домѣ Тимофея, находившемся въ улицѣ, носившей имя знаменитаго стровтеля Пирея, Ипподама. У Тимофея ничего не было готово къ принятію такихъ важныхъ особъ, и онъ занялъ у банкира Пасіона нѣсколько ковровъ, одежды и двѣ серебряныя чаши (Demosth. adv. Timoth. 1190, 22). Благодаря заступничеству такихъ лицъ, Тимофеемъ былъ оправданъ (Demosth. adv. Timoth. 1187). Демосфенъ называетъ Ясона и Алкета союзниками Аѳинскими, но это еще не объясняетъ намъ причины прибытія ихъ въ Аѳины. Нельзя ничѣмъ инымъ объяснить поступокъ Ясона, какъ только искренностью дружбы его съ Тимофеемъ и услужливостью, рѣдко встрѣчавшеюся у людей, достигшихъ высшей власти. Поступокъ Алкета понятенъ: онъ или самъ подражалъ своему могущественному союзнику, или слѣдовалъ совѣту Ясона. Другое дѣло — Ясонъ. Какое значеніе для него могло имѣть осужденіе аѳинскаго генерала? Онъ могъ бы найти тысячу предлоговъ, чтобы отказаться отъ побѣды, тѣмъ болѣе, что отсутствіе его изъ Фессаліи могло имѣть весьма непріятныя для него послѣдствія. Уже самый фактъ дружбы между Тимофеемъ и Ясономъ показываетъ, что развитіе Ясона нисколько

не было ниже развитія такого просвѣщеннаго Аѳинянина, какъ Тимоеей. Но кромѣ того мы знаемъ, что Ясонъ слушалъ Горгія во время его путешествія по Фессаліи. Мы знаемъ изъ діалога Платона „Менонъ“, что Горгій, прибывъ въ Лариссу, плѣнилъ многихъ Фессалійцевъ своимъ ученіемъ (глава I) и безъ сомнѣнія Ясонъ былъ въ ихъ числѣ, такъ какъ онъ былъ восторженный почитатель его и ставилъ его выше тогдашняго извѣстнаго ритора аѳинскаго Поликрата (Pausan. VI, 17, 9). Намъ не должно удивлять, что Ясонъ занимался философіей, такъ какъ высшіе классы сдѣлались къ началу четвертаго вѣка гораздо развитѣе, чѣмъ прежде. Этотъ фактъ вызываетъ у Сократа (Мено С. I) проницательное замѣчаніе: *Θαυταὶ εὐδόκιμοι ἦσαν ἐν τοῖς Ἑλλήσι καὶ ἐθαυμάζοντο ἐφ' ἰπικῇ τε καὶ πλοῦτι, νῦν δὲ ὡς ἐμοὶ δοκεῖ καὶ ἐπισοφίᾳ*. Ясонъ былъ также въ дружбѣ съ Исократомъ, какъ это видно изъ письма, которое Исократъ написалъ его пасынкамъ.

Мы совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Ясонъ, по своемъ возвращеніи изъ Аѳинъ, вплоть до 371 года. Вѣроятно, онъ занимался дѣлами управленія и упроченіемъ своей власти. У него въ это время происходила вражда съ Фокейцами — *ἀχήμενος πόλεμος*) по выраженію Ксенофонта (Hell VI, 4, 21), при чемъ онъ выполнялъ свой планъ — (Hell VI, 1, 10) освобождать народы отъ Лакедемонскаго вліянія, такъ какъ въ Фокиду былъ посланъ Клеомбротъ съ войскомъ въ 374 году (Hell VI, 1, 1) и потомъ еще подкрѣпленіе ему (Hell VI, 2, 1).

Въ 371 году произошла битва при Леветрахъ. Лакедемоняне послѣ упорнаго сопротивленія были побѣждены, потерявъ царя Клеомброта, Дейнона и Сфодрія и (по самому умѣренному счету ихъ друга Ксенофонта) 400 Спартіатовъ и около тысячи Лакедемонянъ. Они удалились въ свой укрѣпленный лагерь и, созвавъ военный совѣтъ, рѣшились просить выдачи мертвыхъ, то-есть признали себя побѣжденными. (Hell VI, 4, 15). Оиванцы, не смотря на все значеніе своей побѣды, которое они отлично понимали, не отважились напасть на Лакедемонскій лагерь, такъ какъ знали, что это не легкое предпріятіе, а послали въ Аѳины и къ Ясону вѣстниковъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ просьбой о помощи для полного пораженія Лакедемонянъ (Hell. VI, 4, 19, 20) ¹⁾.

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій излагаетъ (XV, 54, 55, 56) Леветрійскую битву и всѣ сопровождавшія ее обстоятельства совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ Ксенофонтъ. Гротъ, X, 260, превосходно доказалъ, почему слѣдуетъ придерживаться

Афиняне изъ зависти и опасенія, что Беотійцы слишкомъ усилятся, отпустили вѣстника безъ отвѣта. Ясонъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ Фиванцевъ и просьбу о помощи, сразу понялъ, что ему не надо пропускать случая вмѣшаться въ греческія дѣла, поспѣшно собралъ своихъ наемниковъ и всадниковъ, которые у него были подъ рукою, и двинулся чрезъ Термопилы въ Грецію. Онъ сперва приказалъ готовить тріеры, какъ будто намѣреваясь по морю двинуться въ Беотию. Но это была только военная хитрость, такъ какъ у Ясона не было флота, и къ тому же по морю ѣхать было бы гораздо дольше и опаснѣе.

Ясонъ быстро прошелъ чрезъ Фокиду, не смотря на то, что былъ съ Фокейцами въ непріязненныхъ отношеніяхъ (Hell. VI, 4, 21 ἀχρήρυκτος πόλεμος). Надо замѣтить однако, что главныя силы Фокейцевъ были съ Лакедемонянами подъ Левктрами; однако войску Ясона грозила опасность отъ городовъ фокейскихъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, были оставлены войска. Но Ясонъ такъ быстро двигался, что предъ многими городами являлся раньше, чѣмъ успѣвали приносить извѣстіе объ его приближеніи и исчезалъ раньше, чѣмъ могли собраться войска, чтобы напасть на него. Эта замѣчательная быстрота доказала, какъ выражается Ксенофонтъ, что *πολλαχὸς τὸ τάχος μᾶλλον τῆς βίας διακράτῃται τὸ δέον*.

И такъ черезъ нѣсколько дней по выступленіи своемъ изъ Тессалии, Ясонъ уже находился при Левктрахъ и Фиванцы предложили ему напасть на Лакедемонянъ. Ихъ лагерь былъ на склонѣ горы, впереди, то-есть на сторонѣ, обращенной къ Фиванцамъ, былъ вырытъ ровъ (Hell. VI, 4, 14). Фиванцы предложили Ясону сдѣлать обходъ горы, напасть на Лакедемонскій лагерь, спускаясь съ горы, а сами хотѣли идти прямо и нападать съ фронта. Но онъ отсовѣтовалъ имъ подвергаться риску потерять всѣ результаты недавней побѣды. „Неужели вы забыли“, сказалъ онъ имъ, „что вы побѣдили, когда находились въ самомъ критическомъ положеніи? такъ точно и Лакедемоняне, если будутъ отчаяваться спасти свою жизнь, будутъ бѣшено сражаться. Боги обыкновенно любятъ дѣлать ничтожныхъ людей великими, а великихъ ничтожными“. Затѣмъ Ясонъ предложилъ Лакедемонянамъ доставить имъ безпрепятственный выходъ изъ Беотіи, ска-

разказа Ксенофонта. Такъ какъ всѣ авторы въ этомъ согласны съ Гротомъ (Сиверсъ 244, 27 Шееръ I, 70 Курциусъ III, 342), то я считаю лишнимъ приводить его доказательства.

завѣ имѣ слѣдующее: „если вы хотите забыть постигшее васъ теперь несчастіе, то я совѣтую вамъ, только послѣ отдыха и когда вы соберетесь съ силами, идти противъ вашихъ теперешнихъ побѣдителей. Знайте, что въ числѣ вашихъ союзниковъ есть замышляющіе измѣнить вамъ; старайтесь поэтому заключить миръ. Я же вамъ даю этотъ совѣтъ потому, что желаю васъ спасти въ память дружбы моего отца съ вами и вслѣдствіе того, что я вашъ проксентъ“. Такъ говорилъ Ясонъ, а дѣлалъ онъ все это для того, чтобы Лакедемоняне и Оиванцы, будучи въ дурныхъ отношеніяхъ между собою, нуждались бы въ немъ, замѣчаетъ Ксенофонтъ. Вслѣдствіе посредничества Ясона, обѣ стороны заключили договоръ, по которому Лакедемоняне получили свободный выходъ изъ Беотіи, но они, не довѣряя Оиванцамъ, ночью ушли изъ лагеря и поспѣшно оставили Беотію.

Таковы были обстоятельства, послѣдовавшія за Левтрійской битвою, какъ ихъ передаетъ Ксенофонтъ. Вникая въ роль, какую игралъ въ ней Ясонъ, мы пришли къ убѣжденію, что Ксенофонтъ напрасно упрекаетъ его въ двуличности. Съ начала уже видно, что Ксенофонту было весьма непріятно передавать такое пораженіе Лакедемонянъ, какъ Левтрійское, и поэтому онъ старается кого-нибудь очернить. Онъ пишетъ подъ влияніемъ страсти, поэтому самый упрекъ его не ясенъ, даже, болѣе того, непонятенъ. Ксенофонтъ говоритъ, что Ясонъ поступалъ извѣстнымъ образомъ, чтобы Лакедемоняне и Оиванцы, будучи въ натянутыхъ отношеніяхъ между собою, нуждались въ немъ. Непонятно, почему послѣ битвы, все равно при какомъ угодно исходѣ ея, отношенія между воюющими сторонами измѣнились бы къ лучшему? Мнѣ кажется, что отношенія послѣ битвы остались бы тѣ же, даже непріязненность еще усилилась бы. И такъ мнѣніе Ксенофонта едва ли основательно, но къ сожалѣнію всѣ современные авторы, кромѣ Грота, въ большей или меньшей степени обвиняютъ Ясона въ преслѣдованіи эгоистическихъ цѣлей и въ обманѣ своихъ союзниковъ. Для опроверженія этихъ мнѣній надо подробнѣе разсмотрѣть его дѣйствія.

Ясонъ пришелъ въ Беотію съ незначительнымъ войскомъ: это видно изъ того, что Ксенофонтъ умалчиваетъ о его числѣ и сообщаетъ намъ о поспѣшности его выступленія. Ясонъ не могъ имѣть всегда все свое войско готовымъ въ Ферахъ. Весьма понятно, что оно и не нашло бы тамъ достаточно продовольствія и стоило бы слишкомъ дорого, поэтому слѣдуетъ предположить, что оно созывалось на время войны, а потомъ распускалось. Мы говоримъ это собственно о Фес-

салийскомъ войскѣ, наемники же находились въ гарнизонахъ въ различныхъ мѣстахъ и не могли бы быть собраны въ одинъ или два дня. Діодоръ, хотя обыкновенно и преувеличиваетъ цифры, но въ этомъ случаѣ даетъ весьма правдоподобную: 1500 пѣшихъ и 500 конныхъ воиновъ (XV, 54).

Θиванцы хотѣли возобновить бой и штурмовать Лакедемонскій лагерь. Но это было дѣло трудное: не смотря на свои потери, Лакедемоняне были многочисленны, у нихъ были укрѣпленія и наконецъ Ясонъ видѣлъ, что если Θиванцы, даже въ упоеніи побѣды, не воспользовались угнетеннымъ положеніемъ духа Лакедемонянъ, то теперь этой минуты нельзя вернуть. Θиванцы не будутъ сражаться съ такою отвагою, какъ сражаются побѣдители тотчасъ послѣ побѣды, а Лакедемоняне уже давно успѣли оправиться отъ паники, неминуемой послѣ бѣгства. Съ своею необыкновенною прозорливостью Ясонъ видѣлъ возможные послѣдствія битвы. Она могла окончиться полнымъ пораженіемъ Θиванцевъ. Въ такомъ случаѣ всѣ результаты побѣды, такъ неожиданно выпавшей на долю Θиванцевъ, были бы невозвратно потеряны. Другой возможный исходъ битвы заключался бы въ томъ, что обѣ стороны удержали бы свои позиціи. При такомъ оборотѣ дѣла, Лакедемоняне могли бы, безъ всякаго затрудненія для себя, дожидаться подкрѣпленій. У нихъ былъ портъ Креузисъ для подвоза провіанта, а подкрѣпленія навѣрно пришли бы; это, конечно, Ясонъ, съ его знаніемъ военнаго дѣла и политическаго состоянія Греціи, зналъ навѣрно. Наконецъ, допустивъ третій, самый благополучный исходъ дѣла для Θиванцевъ, именно ихъ полную побѣду, слѣдовало предвидѣть, что это была бы Пиррова побѣда вслѣдствіе трудностей, описанныхъ нами раньше. Она не могла бы принести имъ много славы послѣ впечатлѣнія, произведеннаго ихъ побѣдой при Левктрахъ. Такимъ образомъ, совѣтъ Ясона былъ самый благоразумный, какой только можно было дать. Оставалось теперь только заставить Лакедемонянъ покинуть Беотію, прежде чѣмъ ихъ подкрѣпленія подойдутъ. Этого результата достигъ Ясонъ дипломатическими своими способностями. Понятно, для того, чтобы Лакедемоняне повѣрили его совѣтамъ, Ясону необходимо было выставить себя ихъ доброжелателемъ, поэтому онъ имъ и напомнилъ о дружбѣ своего отца и о носимомъ имъ званіи ихъ проксена.

Когда Лакедемоняне ушли изъ Беотіи, Ясонъ также вернулся въ Фессалію. Проходя по Фокидѣ, онъ никого не трогалъ, ничего не опустошалъ. Единственное отступленіе отъ этого правила онъ совер-

шилъ по отношенію къ жителямъ Гіамполиса, города, лежавшаго у юго-западнаго выхода ущелія, по которому дорога идетъ въ Опунтію. Этотъ городъ для идущаго съ сѣвера чрезъ Оермопилы представляется ключомъ Фокиды и слѣдственно Беотіи (Leake II, 168). Ясонъ разрушилъ предмѣстье этого города, вѣроятно, вслѣдствіе враждебности его жителей, а можетъ быть онъ хотѣлъ имъ показать свою силу, чтобы въ случаѣ возвращенія его въ Грецію они не затрудняли ему прохода. Съ этимъ же намѣреніемъ онъ взялъ измѣною Гераклею ¹⁾, разрушилъ ее или только стѣны ея (Хер. Hell VI, 4, 27; Діод. XV, 57) и отдалъ ее во владѣніе ойтайцамъ и малійцамъ. Такимъ образомъ, заручившись ихъ дружбою, Ясонъ приготавливалъ себѣ открытый путь въ Грецію и намѣренъ былъ воспользоваться имъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Вернувшись въ Тессалію, Ясонъ продолжалъ заниматься своимъ войскомъ и совершенствовать его. Онъ предпринялъ походъ въ земли Перребовъ (Діод. XV, 57), многіе города которыхъ покорилъ открытою силою, а другіе склонилъ на свою сторону заманчивыми рѣчками. Мы знаемъ изъ Страбона ²⁾, что Алевады владѣли большими имѣніями въ Перребіи и пользовались доходами съ нихъ вплоть до того времени, когда Филиппъ Македонскій завладѣлъ ими. Быть можетъ, надо соединять походъ Ясона въ Перребію съ этимъ извѣстіемъ Страбона. Въ такомъ случаѣ можно сдѣлать предположеніе, что Ясонъ, намѣреваясь идти въ Грецію, желалъ помѣстить гарнизоны въ Перребіи для того, чтобы угрожать владѣніямъ Алевадовъ, въ случаѣ ихъ происковъ или интригъ, могущихъ случиться во время его отсутствія. Ясонъ заключилъ союзъ съ Аминтой, царемъ македонскимъ и это, можно сказать, было послѣднимъ подготовительнымъ шагомъ для его честолюбивыхъ плановъ и видовъ на гегемонію въ Греціи. И такъ, вслѣдствіе союза съ Аминтой, владѣнія Ясона были

¹⁾ Гераклея, находившаяся по словамъ Ксенофонта (Hell VI, 4, 27) ἐν στενῷ, закрывала доступъ къ Оермопиламъ съ сѣвера. Фукидидъ говоритъ (II, 101), что она отстояла отъ моря на 20 стадій, то-есть на 3 1/2 версты. Эта узкая полоса земли была такъ болотиста, что считалась недоступною. Но во второмъ вѣкѣ Гераклея отчасти потеряла свое значеніе, такъ какъ болота этой полосы сдѣлались проходими. По нимъ прошелъ одинъ отрядъ войскъ консула Ацилія (191 годъ до Р. Х.). Во время же Ясона гарнизонъ Гераклеи совершенно закрывалъ проходъ (Leake II, 30).

²⁾ Собственно у Страбона сказано не Алевады, а Дариссейцы, но ясно, что это одно и то же (Буттманъ).

окружены со всѣхъ сторонъ друзьями: на сѣверѣ Аминта, съ запада Алкетъ Эпирскій, съ юга открытыя ворота Греціи, охраняемыя дружественными племенами ойтайцевъ и Малійцевъ.

Всѣ сознавали его силу и боялись его чѣстолюбія, которое онъ вовсе не старался скрывать. Напротивъ, въ своихъ рѣчахъ онъ часто выставлялъ на видъ ессалійцамъ, что имъ слѣдуетъ добиваться гегемоніи въ Греціи, такъ какъ гегемонія есть какъ бы призъ для умѣющихъ ею овладѣть (Діод. XV, 60). Онъ также часто говорилъ о своихъ планахъ подчинить себѣ персидскаго царя. Такія рѣчи, безъ сомнѣнія, еще болѣе возвышали Ясона въ глазахъ Эллиновъ, ибо въ устахъ такого сильнаго и замѣчательнаго мужа, онѣ не могли казаться хвастовствомъ ¹⁾.

Дѣйствительно, въ 370 году казалось, что всѣ эти планы были близки къ ихъ исполненію. Праздникъ Пинейскій приближался; Ясонъ приказалъ всѣмъ ессалійскимъ городамъ приготовить для жертвоприношенія быковъ, овецъ, козъ и свиней. Хотя онъ въ отдѣльности потребовалъ отъ cadaго города небольшое число этихъ животныхъ, однако, въ сложности составила значительная цифра: было собрано тысяча быковъ и до десяти тысячъ другихъ животныхъ. Ясонъ объявилъ черезъ глашатая, что городъ, доставившій лучшаго βούν ἡγεμόνα, то-есть, быка, открывавшаго шествіе, получитъ золотой вѣнокъ. Онъ приказалъ ессалійцамъ быть на-готовѣ для похода около времени праздника (Hell VI, 4, 29, 30). Понятно, что такія обширныя приготовленія возбудили много толковъ въ Греціи. Одни думали, что онъ хочетъ отнять предсѣдательство на Пинейскихъ играхъ у членовъ амфиктіонскаго собранія, другіе даже приписывали ему мысль наложить руки на сокровища дельфійскаго бога. Это послѣднее мнѣніе было такъ распространено, что Дельфійцы обратились къ Пиней съ вопросомъ, что имъ слѣдуетъ сдѣлать, въ случаѣ, если Ясонъ посягнетъ на сокровища храма. Богъ отвѣтилъ, что онъ самъ объ этомъ позаботится.

Однако, надо замѣтить, что Ксенофонтъ не высказываетъ своего убѣжденія въ справедливости слуховъ, приписывавшихъ Ясону святотатственныя намѣренія, а говорить, что трудно судить о такихъ дѣлахъ. И такъ, если современный авторъ не былъ увѣренъ въ намѣ-

¹⁾ Исократъ (Orat. ad Philipp § 119) преувеличиваетъ значеніе рѣчей Ясона, говоря: ἰκαίνο: ('Ιάσω) μεγίστης δόξης ἑτοίχον, οὐκ ἐξ ὧν ἐπράχεν, ἀλλ' ἐξ ὧν ἐφησεν и далее 'Ιάσω λόγῳ μόνον χρησάμενος οὕτως παύτον ἡρώησεν...

реніяхъ Ясона, то тѣмъ болѣе для насъ трудно себѣ составить понятіе о нихъ. Все-таки, я думаю, что такой тонкій политикъ, какъ Ферейскій тиранъ, не запятналъ бы своей репутаціи столь неблаго-разумнымъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ хотѣлъ основать свою власть не на насиліи и страхѣ, а, напротивъ, на уваженіи къ нему подчиненныхъ и на сознаніи, что онъ дѣйствуетъ для ихъ возвышенія и славы.

Среди этихъ приготовленій, подавшихъ поводъ къ столькимъ опасеніямъ, неожиданно для всѣхъ Ясона не стало.

Послѣ смотра своей конницы онъ сѣлъ, чтобы принимать просителей. Тутъ подошли къ нему семь юношей, громко разговаривая между собою, какъ будто въ ссорѣ, и убили его. Они такъ скоро совершили задуманное ими дѣло, что копьеносцы, тутъ же стоявшіе, не успѣли отвратить отъ Ясона ихъ ударовъ; одного изъ убійцъ они закололи въ то время, какъ онъ наносилъ ударъ, другаго они пронзили копьями, когда онъ садился на лошадь, а пять остальныхъ успѣли ускакать на приготовленныхъ для нихъ лошадяхъ (Hell. VI, 4, 31, 32).

Ксенофонтъ не говоритъ, что побудило совершить преступленіе. Онъ сообщаетъ намъ только, что, по прибытіи убійцъ въ эллинскіе города, они были встрѣчаемы съ большими почестями. Изъ этого ясно видно, говоритъ онъ, какъ Эллины боялись, что Ясонъ сдѣлается тиранномъ. На основаніи этого мѣста, мнѣ кажется, что Ксенофонтъ, равно какъ и Эфоръ (Діодоръ, XV, 60), думаетъ, что они совершили преступленіе изъ-за желанія прослыть тиранноубійцами. Валерій Максимъ (IX ext. 2) приводитъ слѣдующую причину: Ясонъ позволилъ одному начальнику гимназіи наказать нѣсколькихъ юношей, взыскавъ съ каждого 30 драхмъ штрафа или же давъ каждому 10 ударовъ. Начальникъ выбралъ это послѣднее наказаніе, и юноши убили Ясона, мстя не за физическую боль, а за позоръ, который они потерпѣли ¹⁾. Діодоръ (XV, 60) приводитъ еще одинъ варіантъ смерти Ясона, будто онъ былъ убитъ своимъ братомъ Полидоромъ, но это вполнѣ невѣроятно.

¹⁾ Флаве (Geschichte Macedoniens und der Reiche welche von Macedonischen Königen beherrscht wurden, II vol., Leipzig, 1832) дѣлаетъ предположеніе, что убійцы были подосланы аристократами, что подтверждается, по его мнѣнію, жестокостями Полифрона по отношенію къ нимъ (I, 92). Но мнѣ кажется, что аристократы начали обнаруживать революціонныя, по отношенію къ ферейскому

И такъ, Ясонъ умеръ неожиданно для всѣхъ, и причины, побудившія убить его, остались неизвѣстны. Онъ умеръ во цвѣтъ лѣтъ и въ эпоху самую блестящую своей жизни. Никогда его власть и его слава не достигала еще такихъ размѣровъ, какъ именно предъ его смертью. Его смерть положила конецъ ожиданію великихъ событій. Трудно судить, что сдѣлалъ бы Ясонъ, если бы онъ не умеръ въ эту минуту, такъ какъ событія не создаются только историческими личностями, но, во всякомъ случаѣ, я думаю, что онъ достигъ бы гегемоніи въ Греціи. Что касается плановъ Ясона относительно похода въ Азію, можно сказать, что ему было бы труднѣе совершить это, чѣмъ Александру Македонскому. Постоянно надо было бы ему думать о ѳессалійскихъ дѣлахъ, такъ какъ его власть не опиралась, какъ власть Александра, на преданность подданныхъ царю. Одно достоверно, что вмѣстѣ съ Ясономъ вся будущность ѳессаліи погибла. Благодаря его генію, страна эта достигла такой силы и славы, до какихъ она не доходила ни прежде, ни послѣ.

IV.

Полидоръ и Полифронъ ¹⁾.

Послѣ смерти Ясона, его братья, Полидоръ и Полифронъ были выбраны въ тагосы. Недолго продолжалось ихъ совмѣстное правленіе;

тиранну, стремленія только тогда, когда смерть Ясона развязала имъ руки; лишь послѣ этого они вызвали жестокости Полифрона.

¹⁾ Всѣ показанія авторовъ о промежуткѣ времени между правленіемъ Ясона и Александра темны и сбивчивы. Изъ нихъ можно вывести одно только заключеніе, что Ксенофонтъ и Діодоръ плохо знали эти событія: Діодоръ не упоминаетъ совсѣмъ о Полифронѣ и приписываетъ отравленіе Полидора Александру, который и наследуетъ власть отъ него. (Діод., XV, 60, 5 и 61, 2). Ксенофонтъ при первомъ упоминаніи о Полифронѣ ничего не говоритъ о родствѣ его, а при второмъ говоритъ, что онъ братъ Полидора (VI, 4, 33). Молчаніе Ксенофонта въ томъ только случаѣ повѣстно, если допустить, что Полифронъ единоутробный братъ Полидора и, стало быть, не братъ Ясона.

Также неясны свѣдѣнія и о родствѣ Александра. Плутархъ (Pelop., 29) говоритъ, что онъ убилъ своего дядю Полифрона. Мстѣ за Полидора, Александръ убилъ Полифрона, говорятъ Ксенофонтъ (VI, 4, 34). На основаніи этихъ двухъ мстѣ многіе авторы думаютъ, что Александръ былъ сынъ Полидора и стало быть племянникъ Ясона (G. R. Sievers, Geschichte Griechenlands vom Ende des Peloponnesischen Krieges bis zur Schlacht bei Mantinea, 328; Лакманъ I, 375, Шееръ I, 71). Діодоръ (XV, 61) говоритъ, что Александръ былъ братъ По-

такъ, во время одной изъ поѣздки въ Лариссу, Полидоръ ночью умеръ неожиданно для всѣхъ отъ неизвѣстной причины. Весьма правдоподобно, что во время сна онъ былъ убитъ своимъ братомъ Полифрономъ, который сталъ теперь одинъ управлять страной.

Тутъ впервые обнаружилось, какую потерю понесла Фессалия въ лицѣ Ясона. И теперь управлялъ ею тагосъ, но онъ не умѣлъ держать въ повиновеніи всѣхъ Фессалійцевъ. Какъ только извѣстіе о смерти Ясона дошло до прежнихъ владѣтелей большихъ городовъ Фессалии, то въ Фарсалѣ, Лариссѣ и, вѣроятно, въ другихъ еще городахъ начались безпорядки. Суровыми и жестокими мѣрами Полифронъ подавилъ на время эти проявленія революціонныхъ тенденцій: въ Фарсалѣ онъ убилъ Полидаманта и восемь знатныхъ гражданъ, изъ Лариссы многихъ изгналъ (Hell. VI, 4, 34). Понятно, что для такихъ энергическихъ дѣйствій надо было опираться на значительную силу. У Полифрона въ распоряженіи было войско, оставленное Ясономъ. Войска, созданныя долгимъ обученіемъ и совершившія многіе походы, не исчезаютъ вдругъ. Требуется извѣстное время для ихъ полной дезорганизациі. Такъ, напримѣръ, войска французской республики, побѣдившія коалицію при Вальми и Жемаппѣ, не были вовсе новобранцы, одушевленные любовью къ свободѣ и отечеству, какъ ихъ изображаютъ республиканскіе писатели; это была прежняя королевская армія Людовика XVI, потерявшая только своихъ полководцевъ аристократовъ и перемѣнившая названіе. Такъ точно и въ Ферахъ: на первое время города, доставлявшіе при Ясонѣ пѣхотинцевъ и всадниковъ, продолжали ихъ присылать и Полифрону, который, вѣроятно, еще не распустилъ всѣхъ наемниковъ своего предшественника.

Полифронъ не долго пользовался властью, достигнутой имъ убійствомъ своего брата. Ксенофонъ говоритъ, что вслѣдствіе своихъ жестокостей онъ болѣе походилъ на тиранна, чѣмъ на тагоса. Спустя только годъ послѣ совершенія имъ братоубійства, онъ самъ палъ отъ руки родственника своего Александра. Такой конецъ, послѣ такого краткаго правленія, далъ поводъ Діонисію Сиракузскому называть Полифрона театральнымъ тиранномъ ¹⁾.

лидора; этого мнѣнія держатся Гротъ X, 340, Флате I, 93 и Либингеръ, стр. 49. Этотъ послѣдній приводитъ слѣдующую причину: онъ думаетъ, что гораздо вѣроятнѣе, что Александръ хотѣлъ жениться на вдовѣ своего брата, чѣмъ на вдовѣ своего дяди. Однако, это ничего не доказываетъ.

¹⁾ Мы читаемъ у Плутарха: (Galba c. I) Διονύσιος Φεραιὸν ἀρχαῖτα Θεσσαλῶν

V.

Александръ Ферейскій.

Александръ убилъ своего родственника Полифрона, говоря, что онъ мститъ за смерть Полидора и хочетъ избавить народъ отъ тиранна. Но это были только слова; въ дѣйствительности, онъ устранилъ тиранна, чтобы стать на его мѣсто. Завладѣвъ властью, онъ сразу показалъ себя тѣмъ, чѣмъ дѣйствительно былъ: для него не существовало ни закона, ни права; у него былъ только его личный произволъ.

Опасаясь его насилій, Алевады Ларисскіе обратились къ Александру, царю македонскому, сыну Аминты, съ просьбою освободить ихъ отъ тиранна. Имъ удалось убѣдить царя, тѣмъ легче, что онъ, вѣроятно, былъ подготовленъ къ этому изгнанниками Ларисскими. Весьма вѣроятно, что они пришли къ македонскому царю искать у него убѣжища, подобно тому какъ Алевады находили радушный пріемъ у македонскихъ царей; такъ, напримѣръ, мы знаемъ о положеніи Гелленократа Ларисскаго въ Македоніи (Aristot., Polit., V, 8, 12).

Александръ Ферейскій, узнавъ о заговорѣ аристократовъ, хотѣлъ, предупредя своихъ враговъ, вступить въ Македонію и начать уже вербовать войска. Но Александръ Македонскій предупредилъ его и вторгся въ Фессалию, имѣя въ своей свитѣ ларисскихъ изгнанниковъ. Аристократы впустили его въ Лариссу, и послѣ недолгой осады онъ взялъ ларисскій акрополь, а затѣмъ Краннонъ. Онъ объявилъ Фессалийцамъ, что для безопасности ихъ городовъ отъ тиранна ферейскаго необходимо, чтобы онъ занялъ ихъ своими гарнизонами, но

δέκα μῆνας, εἰτ' αὐτὸς ἀναστρέψεντα τὸν τραγικὸν ἀνεχάλαε τύραννον ἐπισχόπτων τὸ τάχος τῆς μεταβολῆς. Рейске вставляетъ въ свой латинскій переводъ слово Alexander, не замѣчая, что τάχος τῆς μεταβολῆς не можетъ относиться къ Александру, правившему слишкомъ десять лѣтъ. Братья Lallhorne въ своемъ англійскомъ переводѣ біографіи Плутарха (London, 1875) поступили также, не говоря ни слова, на какомъ основаніи. Шнейдеръ (ad Xenoph. Hell. VI, 3, 4), приводитъ мнѣніе Коранса, относитъ выраженіе Діонисія къ Ликофрону I. Но это также невозможно, потому что Ликофронъ по крайней мѣрѣ правилъ въ Ферихъ съ 401 до 395 года. Сиверсъ относитъ слова Діонисія къ Полифрону (328 стр., 27 прим.). По нашему мнѣнію, это совершенно вѣрно, такъ какъ Полидоръ, къ которому могли бы относиться слова Діонисія, не правилъ одинъ, поэтому врядъ ли можно считать его тиранномъ.

объщаль возвратить ихъ Ѳессалійцамъ, какъ только побѣдитъ тиранна. Аристократы согласились, видя торжественность его общаній. Но царь Македонскій, замѣтивъ плодородіе страны, прельстился ея богатствомъ и измѣнилъ своему слову. Послѣ того какъ онъ разбилъ Александра и заставилъ его удалиться въ Феры, онъ самъ ушелъ въ Македонію, оставивъ въ Ѳессалійскихъ городахъ гарнизоны (Diod., XV, 61). Такъ кончилось македонское заступничество; Ѳессалійская знать ничего отъ него не выиграла; она добилась только перемѣны тиранна. Она обратилась въ Ѳивы съ просьбою помочь ей освободить города отъ Македонянъ и низвергнуть Александра Ферейскаго (Diod., XV, 67, 3; Plut., Pelop., 26).

Ѳивы со времени Ясона были въ дружественныхъ сношеніяхъ съ ферейскими тираннами, а при Полидорѣ или Полифронѣ (трудно сказать, случилось ли это во время правленія обоихъ, или только когда правилъ одинъ Полифронъ), мы видимъ въ числѣ союзниковъ Ѳивъ Ѳессалійцевъ, участвующихъ въ походѣ Эпаминонда въ Лаконію въ 369 г. или въ концѣ 370 г. (Xen., Agesil., II, 24). Но со вступленіемъ Александра въ должность тагоса, эти дружественныя отношенія были, кажется, прерваны, такъ какъ Ѳиванцы немедленно исполнили просьбу Ѳессалійской знати.

Ѳиванцы выслали Пелопида съ войскомъ въ 369 г., давъ ему порученіе устроить Ѳессалійскія дѣла, сообразно съ интересами Ѳивъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что эта помощь была далеко не безкорыстная ¹⁾).

Пелопидъ, вступивъ въ Ѳессалію, занялъ Лариссу, изъ которой македонскій гарнизонъ, вѣроятно, удалился при приближеніи его войскъ. Изъ Краннона также ушли Македоняне. Александръ Ферейскій, видя столь быстрые успѣхи Пелопида, испугался и пошелъ къ нему на встрѣчу, но не съ войскомъ, а смиренно, какъ бы просить прощенія (Pelop., с. 26). Пелопидъ началъ ему дѣлать сильный выговоръ за всѣ его поступки, на которые жаловались Ѳессалійцы, думая, что словами и угрозами онъ сдѣлаетъ изъ свирѣпаго тиранна мягкаго и уважающаго законы правителя. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Какъ только Александръ увидѣлъ его враждебное къ себѣ настроеніе, то немедленно бѣжалъ со свитою въ Феры.

¹⁾ Мнѣ кажется, такъ слѣдуетъ понимать 67-ю главу XV книги Діодора. Если бы македонскіе гарнизоны не удалились добровольно, то врядъ ли Пелопидъ могъ бы такъ скоро и легко взять Лариссу, и вѣроятно, Краннонъ.

Что сдѣлалъ Пелопидъ въ Фессаліи послѣ удаленія Александра въ Феры, мы не знаемъ. У Плутарха сказано, что онъ далъ Фессалійцамъ полную безопасность по отношенію къ Александру Ферейскому и помирилъ ихъ между собою (Pelop. с. 29). Изъ этого мы можемъ только заключить что, освободивъ фессалійскіе города отъ македонскихъ гарнизоновъ, онъ оставилъ ихъ самостоятельными и достаточно сильными, чтобы не бояться Александра. Весьма вѣроятно также, что онъ освободилъ Фарсалъ отъ ферейскаго гарнизона, или же если гарнизона тамъ не было, то отъ вліянія Александра. Наконецъ, безъ сомнѣнія, онъ разрѣшилъ освобожденнымъ Фессалійцамъ установить образъ правленія, вѣроятно, по образцу того, который существовалъ до избранія Ясона въ тагосы. Онъ объявилъ также Фессалійцевъ, противниковъ Александра, подъ покровительствомъ Ѡивъ ¹⁾.

Пока онъ устраивалъ фессалійскія дѣла, къ нему пришли изъ Македоніи послы отъ царя Александра и претендента на македонскій престолъ Птолемея Алорита, съ просьбой примирить ихъ и разсудить, чьи требованія справедливы. Пелопидъ отправился въ Македонію и тамъ уладилъ дѣла. Хотя онъ не призналъ правъ Птолемея на престолъ, но все-таки далъ, или лучше заставилъ дать Птолемею самостоятельное княжество въ Баттіонъ съ главнымъ городомъ Алоромъ. Ясно, что Пелопидъ поступилъ такъ, чтобы ослабить Македонію и отнять у нея возможность вмѣшиваться въ фессалійскія дѣла. Заключивъ союзъ съ Александромъ Македонскимъ, онъ взялъ у него въ заложники брата его Филиппа ²⁾ и 30 другихъ знатныхъ мальчиковъ (Diod. XV, 67; Plut. Pelop. 26). Окончивъ такимъ образомъ дѣла въ Фессаліи и Македоніи, Пелопидъ вернулся въ Ѡивы, обезпечивъ свое порученіе устроить въ Фессаліи и Македоніи дѣла, сообразно интересамъ Ѡивъ. Дѣйствительно, тѣмъ фактомъ, что онъ далъ

¹⁾ Относительно формы правленія, установленной въ Фессаліи Пелопидомъ см. догадку Келера, 157 стр.

²⁾ Былъ ли переданъ Филиппъ Пелопиду Александромъ въ 369 г., или же Птолемею въ 368 г., вопросъ спорный: Діодоръ и Плутархъ въ указанныхъ нами мѣстахъ говорятъ, что онъ былъ переданъ Александромъ. Но на основаніи Эскина (de falsa legat., p. 32, 7), это невозможно принять, какъ доказываетъ Клинтонъ (App., стр. 206; Henry Fynes Clinton, Fasti Hellenici, vol. II. Oxford. 1824), мнѣніе котораго принято Гротомъ (X, 341). Флате (I, 39) думаетъ, что Эскинъ умышленно говорилъ ложь; поэтому онъ держится противоположнаго мнѣнія; Сиверсъ, Лахманъ, Либингеръ, Шееръ и Курциусъ совѣтъ не высказываютъ своего мнѣнія.

Θεσσαλίѣцамъ, подвластнимъ знати, самостоятельность, вѣроятно, признавную Александромъ Ферейскимъ, онъ ослабилъ Θεσσαλίю, раздробивъ ее на двѣ части: на Θεσσαλίю, управляемую аристократами, состоявшюю, вѣроятно, подъ покровительствомъ Θивъ, и на Θεσσαλίю, управляемую ферейскимъ тиранномъ, вслѣдствіе чего Александръ пересталъ быть тагосомъ. Пелопидъ также ослабилъ Македонію, какъ это мы видѣли раньше, такъ что слова Плутарха ἐπιδειξάμενος τοῖς Ἕλλησιν ὡς πόρρω διήκει τὰ Θηβαίων πράγματα τῇ δόξῃ τῆς δυνάμεως καὶ τῇ πίστει τῆς δικαιοσύνης, принимаютъ нѣсколько ироническій оттѣнокъ.

Въ 368 году Θεσσαλίѣцы снова обратились за помощью къ Θивамъ, жалуюсь на то, что Александръ Ферейскій не оставляетъ ихъ въ покоѣ. Вліяніе Θивъ на сѣверѣ было такъ сильно, что Θиванцы не сочли необходимымъ посылать въ Θεσσαλίю войско, а отправили туда Пелопида и Исменія. Тотчасъ по ихъ прибытіи, къ нимъ явились гонцы изъ Македоніи отъ друзей и приверженцевъ Александра Македонскаго, союзника Θивъ, который только что былъ убитъ Птолемеємъ Аморитомъ. Этотъ послѣдній, совершивъ преступленіе по наущенію своей любовницы Евридики, вдовы Аминты и матери Александра, Пердикки и Филиппа, правилъ Македоніей.

Пелопидъ былъ поставленъ въ затруднительное положеніе: войска у него не было, дожидаться прибытія его изъ Θивъ было долго; а потому онъ рѣшился взять наемниковъ и немедленно двинулся въ Македонію (Plut. Pelop. 27). Онъ пошелъ прямо противъ Птолемея, но этотъ не рѣшился вступить съ нимъ въ сраженіе. Онъ упросилъ Пелопида признать его другомъ Θиванцевъ и опекуномъ дѣтей Аминты, братьевъ Александра, Пердикки и Филиппа (Pelop. 27). Онъ дѣйствовалъ такъ не изъ уваженія къ славѣ и личности Пелопида, какъ говоритъ Плутархъ, а съ цѣлью утвердить свою еще не окрѣпшую власть (Флате, I, 40). Пелопидъ долженъ былъ согласиться на эти условія. Когда онъ вернулся въ Фарсалъ, то узналъ о приближеніи Александра Ферейскаго. Онъ заподозрилъ что-то недоброе. Войска у него не было; Θεσσαλίѣцы, призвавшіе его, были, конечно, слабы, такъ какъ нуждались въ посторонней помощи; Пелопиду нельзя было и думать объ открытомъ сопротивленіи; оставалось ему бѣжать изъ Θεσσαλiи, но изъ гордости онъ не могъ допустить и мысли объ этомъ. Онъ рѣшился идти прямо къ Александру безъ свиты и оружія и, полагаясь на вліяніе Θивъ на сѣверѣ, принять на себя роль посредника между Θεσσαλίѣцами и Александромъ. Поэтому, взявъ съ собою только Исменія, онъ пошелъ на встрѣчу Александру, который, видя ихъ

однихъ и безоружными, велѣлъ ихъ схватить и заковать въ цѣпи ¹⁾).

Этотъ поступокъ Александра выставляется древними авторами, кромѣ Діодора, какъ величайшее преступленіе. По словамъ Плутарха, всѣ его подданные ожидали, что отъ него теперь не будетъ никому пощады, и что онъ будетъ дѣйствовать по отношенію ко всѣмъ какъ человекъ совершенно отчаявавшійся въ сохраненіи жизни (Pelop. 27). Корнелій Непотъ (Pelop. 5, 1) говоритъ, что Александръ нарушилъ неприкосновенность посла. Но тутъ не было и рѣчи о посольствѣ, не было даже и посредничества, ибо для того, чтобы быть посредникомъ, надо быть выбраннымъ обѣими тяжущимися сторонами; Оивы же просто навязывали свое посредничество силою, опираясь на свое могущество. Изъ того, что Александръ былъ жестокой и презрѣнный тиранъ, не слѣдуетъ еще, что всѣ его поступки надо обра- щать въ преступления ²⁾).

Александръ, арестовавъ Пелопида и Исмения, совершилъ не преступленіе, а большую ошибку. Онъ навлекъ на себя непримиримую вражду могущественнѣйшаго государства—Греціи, которое рано или поздно, но должно было отмстить ему; онъ сталъ искать союзниковъ и отправилъ пословъ въ Аѣины (Діод. XV, 71). Аѣиняне тотчасъ же выслали ему Автокла съ 30 кораблями и 1000 воиновъ. Такая поспѣшность объясняется, съ одной стороны, завистью къ Оивамъ, съ другой—выгодностью условій и щедростью Александра: онъ обѣщался имъ прислать по заключенію союза столько рогатаго скота, чтобы мясо въ Аѣинахъ стоило полъ-обола (Plut. Apophhegm. Eramin. 133). Вѣроятно, онъ исполнилъ свои обѣщанія, такъ какъ мы знаемъ, что онъ остался весьма популяренъ въ Аѣинахъ, гдѣ ему даже поставили бронзовую статую (Demosth. contr. Aristocr. 660 и Plut. Pelop. 31).

¹⁾ Негодованіе, высказываемое по этому поводу нѣкоторыми историками до- ходитъ до смѣшнаго; такъ Сиверсъ на 330 стр. говоритъ: «Dieses Verbrechen, welches allemgöttlichen und menschlichen Rechte Hohn sprach», и т. д.; Либнигеръ на 53 стр.: Alexander eo scelere foederum religiones turpissime violavit et hominem perfidissimum se praestitit.

²⁾ Гротъ, X, 301, догадывается, что Пелопидъ совершилъ 4 похода въ Тесса- лію и былъ захваченъ послѣ своего посольства въ Персію (367 г.). Но эта до- гадка всеми позднѣйшими историками, сколько мнѣ извѣстно, отвергнута. Такъ какъ Шееръ, I, 82, и Либнигеръ, стр. 58—62, весьма обстоятельно и подробно изложили всѣ соображенія противъ нея, то я считаю лишнимъ говорить о ней здѣсь.

Какъ ни поспѣшно снарядили Аѳиняне экспедицію Автокла, все-таки Ѡиванцы успѣли вступить въ Ѡессалію, чтобы освободить Пелопида. У нихъ было 8000 оплитовъ и 600 всадниковъ (Діод. XV, 71) подъ командою беотарховъ Клеомана и Ипата (Pausan. IX, 15); Эпаминондъ служилъ простымъ воиномъ, такъ какъ Беотійцы были имъ недовольны за то, что онъ незаконно удержалъ за собою власть по истеченіи срока его командованія въ Пелопоннесѣ. У Ѡиванцевъ было много союзниковъ въ Ѡессаліи, и они надѣялись кончить войну однимъ рѣшительнымъ ударомъ, хотя у Александра была сильная пѣхота и кавалерія гораздо сильнѣе Ѡиванской (Діод. XV, 71). Александръ уклонился однако отъ битвы: Ѡиванскіе полководцы не умѣли принудить его къ ней и наконецъ прибыли Аѳиняне. Тогда обстоятельства быстро измѣнились: Ѡессалійскіе союзники Беотійцевъ покинули ихъ, и беотархи, терпя сильный недостатокъ провіанта и фуража, рѣшились отступить. Но это было не легко, такъ какъ при отступленіи они терпѣли большую убыль въ людяхъ отъ безпрестанныхъ нападеній непріятельской конницы. Отступить сдѣлалось невозможно, а окопаться и ждать подкрѣпленій было еще труднѣе, вслѣдствіе недостатка припасовъ (Діод. XV, 71). Беотархи потеряли голову. Не пользуясь авторитетомъ между солдатами, слыша ихъ постоянное требованіе назначить Эпаминонда въ начальники, они, наконецъ, передали ему свою власть (Pausan. IX, 15) ¹⁾.

Извѣстно, какой вредъ иррегулярныя войска, или, что тоже самое въ этомъ случаѣ, партизаны причиняютъ правильной арміи. Эпаминондъ первымъ дѣломъ образовалъ легкіе отряды всадниковъ и легковооруженныхъ и, расположивъ ихъ въ арріергардѣ, спасъ этимъ войско, такъ точно, какъ это сдѣлалъ Агезилай въ 394 году, когда проходилъ черезъ Ѡессалію (Hell. IV, 3, 3—8). Къ этому отступленію Эпаминонда относятъ обыкновенно хитрость его, переданную намъ Поліэномъ (Strat. II, 3, 13). Сиверсъ (331 стр. 39) и Лахманъ (I, 384 стр. 2) приурочиваютъ ее именно сюда, хотя она такъ же хорошо относится и ко времени втораго его похода въ Ѡессалію. Желая перейти по мосту Сперхей, охраняемый на противоположномъ берегу Ѡессалійцами, Эпаминондъ выбралъ для этого утреннюю зарю, когда подымается на рѣкѣ сильный туманъ. Кромѣ того, онъ велѣлъ при-

¹⁾ Діодоръ относитъ Скотусскую рѣзню къ 367 году, а Павзаній къ году архонта Ѡрасикланта, то-есть, къ 371 г., ко времени правленія Ясона Тутъ очевидная ошибка Павзанія: никакого сомнѣнія о времени событія не можетъ быть.

готовить костры изъ сухаго дерева, покрывъ ихъ свѣжими вѣтками. Туманъ и дымъ отъ этихъ костровъ помогъ ему перейти незамѣченнымъ по мосту.

Когда Фиванцы вернулись на родину, то были весьма благодарны Эпаминонду, а беотарховъ оштрафовали каждого въ 10000 драхмъ (Plut. Perol. 29). Понятно, что отступление Беотійцевъ увеличило надменность Александра и онъ далъ волю своей ужасной жестокости. Въ началѣ этого года, т. е. 376-го, разсердившись за что-то на нѣкоторыхъ изъ гражданъ Скотуссы, онъ созвалъ народное собраніе и, окруживъ его пельтастами и всадниками, велѣлъ всѣхъ убить, а тѣла бросить въ ровъ городской стѣны (Paus. VI, 5, 1—2). Женщинъ и дѣтей онъ продалъ въ рабство, а городъ разграбилъ (Діод. XV, 75). Истребленіе этого города напоминаетъ намъ поступокъ Лакедемонянина Гериппида съ жителями Гераклеи Трахинской (Діод. XIV, 38 и Polyaeu. II, 21). Такъ обращался Александръ съ дружественнымъ ему городомъ за то только, что былъ недоволенъ нѣсколькими гражданами. Та же участь постигла Мелибою (Plut. Perol. 29). Александръ зарывалъ людей живыми въ землю, другихъ зашивалъ въ шкуры кабановъ, медвѣдей, травилъ ихъ собаками и металъ въ нихъ копья, какъ на охотѣ (Pel. 29). Копье, которымъ онъ убилъ своего родственника и предшественника Полифрона, онъ называлъ Τόχον и чтилъ его, какъ божество, приносилъ ему жертвы и совершалъ разные обряды предъ нимъ (Perol., ib.).

У такого-то человѣка находился въ плѣну Целопидъ. Сперва, когда Александръ допускалъ къ нему всѣхъ желающихъ его видѣть, узникъ утѣшалъ ихъ, общая имъ скорый конецъ правленія тиранна. Самому Александру онъ сказалъ, что глупо съ его стороны каждый день убивать столько хорошихъ гражданъ, а его—злѣйшаго врага, щадить. Александръ спросилъ—почему онъ торопится умереть? „Для того“, отвѣчалъ Целопидъ „чтобы ты, прокливаемый всѣми, скорѣе самъ погибъ“.

Послѣ этого разговора тираннъ запретилъ доступъ къ нему, но, не смотря на это, онъ часто видѣлся съ Фивой, женою Александра. и вселилъ въ нее мысль убить мужа. Всѣ эти подробности, передаваемые Плутархомъ (Pelop.) весьма интересны, но врядъ ли вполнѣ достоверны. Въ особенности свиданія Целопида съ Фивой сомнительны, такъ какъ, вопервыхъ, врядъ ли жена тиранна имѣла на столько свободы, чтобы бывать часто въ тюрьмѣ у такого знаменитаго плѣнника безъ вѣдома мужа, а вовторыхъ, сомнительно, была

ли въ 367 г. Оива женою Александра, такъ какъ ей было тогда около 10 или 11 лѣтъ. Быть можетъ, она считалась его женою, но тогда невѣроятно, чтобы Пелопидъ могъ возбуждать ребенка къ убійству. Черезъ нѣсколько времени выступило сильное войско подъ начальствомъ Эпаминонда. Его слава въ Фессалии была такъ велика, что многіе изъ подданныхъ Александра думали, что наступилъ часъ освобожденія отъ него и хотѣли ускорить приближеніе этого времени возстаніемъ. Но Эпаминондъ не хотѣлъ воспользоваться этимъ средствомъ, боясь, чтобы Александръ, доведенный до отчаянія, не излилъ свою досаду на Пелопида. Медленнымъ, но постояннымъ наступленіемъ показавъ онъ свое превосходство Александру, который, не отважившись на рѣшительное сраженіе, отправилъ къ нему пословъ просить мира. Но Эпаминондъ не хотѣлъ заключить его съ такимъ человѣкомъ, а, доставивъ свободу Пелопиду и Исменію, обязался въ продолженіе одного мѣсяца выйти изъ Фессалии, что и исполнилъ (Pelop. 29 и Diod. XV, 75). Хотя ближайшая цѣль Оиванцевъ была достигнута, однако нельзя не замѣтить, что ихъ положеніе въ Фессалии сильно измѣнилось: они покинули ее, не заключивъ съ Александромъ никакихъ условій относительно своихъ союзниковъ, олигарховъ еессалійскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ они обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Фессалии. Не то было прежде, когда они распоряжались въ Фессалии какъ въ подвластной имъ странѣ. Теперь же они даже не отомстили Александру за обидное для Оивъ заключеніе Пелопида и Исменія,

Александръ ликовалъ этимъ временнымъ успѣхомъ и казалось, что плѣнъ Пелопида принесъ ему большую пользу. Но вскорѣ почувствовавъ слабость Оивъ, онъ далъ волю своимъ жестокимъ инстинктамъ—*πάλιν εἰς τὴν αὐτοῦ φύσιν ἀνέδραμεν*, по выраженію Плутарха (Pelop. 31). Онъ началъ преслѣдовать своихъ враговъ, много городовъ разграбилъ и разрушилъ, затѣмъ сталъ расширять свои владѣнія, покорилъ Ахейцевъ Фтіотійскихъ и Магнетовъ и помѣстилъ въ ихъ зѣмляхъ свои гарнизоны (Pelop., 31). Долго терпѣли Фессалійцы, наконецъ востали, но были разбиты имъ во многіихъ сраженіяхъ. Тогда они снова обратились къ Оивамъ, прося войска и Пелопида въ начальники, зная его непримиримую вражду къ Александру, его храбрость и опытность, какъ полководца (Diod. XV, 80). Вѣроятно, они не забыли то время, когда одно слово Пелопида утешало Александра. Оиванцы создали беотійскій союзный совѣтъ и, выслушавъ еессалійскихъ пословъ, рѣшились помочь имъ (Diod. XV, 80). Немедленно собрали они

7,000 воиновъ и дали Пелопиду приказъ тотчасъ же выступить въ походъ.

Все это происходило въ 364 г. Съ 367 года Фиванцы оставались совершенно равнодушными зрителями междоусобій въ Фессаліи, но теперь, какъ мнѣ кажется, побудили ихъ начать войну другія причины. Этотъ походъ былъ въ связи съ морскими замѣслами Эпаминонда; ему хотѣлось, безъ сомнѣнія, имѣть порты фессалійскіе въ сферѣ своихъ дѣйствій. Пелопидъ собирался уже выступить, какъ вдругъ солнечное затмѣніе разстроило всѣ планы. Оно случилось въ іюль 364 года ¹⁾ (Grote, X, 424, Schaefer, I, 109). Пелопидъ, видя смятеніе народа и колебаніе воиновъ, оставилъ ихъ дома, а самъ, не внимая предсказателямъ, пророчившимъ ему смерть, рѣшился отправиться въ Фессалію. Главными побужденіями его были ненависть къ Александру и сознаніе величія своего предпріятія. Въ то время, когда Лакедемоняне были въ дружбѣ съ тиранномъ Сицилійскимъ Діонисіемъ, Аѳиняне нанимались служить къ Александру Ферейскому и ставили въ Аѳинахъ его статую; только Фиванцы сражались противъ несправедливыхъ и жестокихъ тиранновъ (Plut. Pelop. 31). Насколько справедливо второе побужденіе—здѣсь не мѣсто разсматривать. Для насъ важенъ только фактъ, что Пелопидъ, взявъ желающихъ слѣдовать за нимъ всадниковъ, числомъ до 300, и еще наемниковъ, пошелъ къ Фарсалу, гдѣ, вѣроятно, была главная квартира возставшихъ Фессалійцевъ. Вскорѣ начались непріязненные дѣйствія. Въ началѣ сраженія конница Пелопида, будучи многочисленнѣе и лучше, чѣмъ конница Александра, разбила ее и обратила въ бѣгство. Но у Александра была сильная пѣхота, числомъ болѣе 20,000 человекъ (Diod., XV, 80), которая и заняла заранѣе холмы, называемые *κονὸς κεφαλαί* ²⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что въ древности, сколько мнѣ извѣстно, солнечныя затмѣнія всегда считались неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ. Лунныя иногда считались благопріятными. Такъ Филохоръ (Grote, VIII, 432) говоритъ, что затмѣніе 27-го августа 413 года было благопріятно для выступленія Аѳинянъ изъ Сиракузъ, ибо для тайнаго выступленія необходима темнота. Аристандръ, предсказатель Александра Великаго и египетскіе пророки объясняли затмѣніе луны 20-го сентября 331 года, какъ благополучное предзнаменованіе, такъ какъ Геліосъ покровительствуетъ Эллинамъ, а Селена—Персамъ. Черезъ нѣсколько дней была выиграна Арбельская битва (Grote, XII, 206).

²⁾ Хотя Плутархъ въ біографіи Фламиніана и говоритъ, что эти холмы назывались такъ по сходству съ головами собакъ, однако этого не видно въ наше время (Leake, IV, 465). Полибій, знавшій эту мѣстность лучше, чѣмъ Плутархъ,

Спустившись съ холмовъ, пѣхота Александра такъ сильно начала тѣснить Пелопида, что онъ приказалъ вернуть свою конницу, самъ взялъ щитъ и сталъ въ первомъ ряду.

Это поправило дѣло: войско тиранна дрогнуло и начало отступать въ безпорядкѣ. Пелопидъ наблюдалъ съ высоты; вдругъ увидѣлъ онъ на правомъ флангѣ ферейскаго тиранна, приводящаго въ порядокъ своихъ наемниковъ. Тогда онъ все забывъ, жажда мести поглотила его и онъ ринулся впередъ, громко вызывая на бой Александра, который поспѣшно спрятался за своихъ наемниковъ. Они убили Пелопида, не смотря на его отчаянное сопротивленіе. Войско Пелопида продолжало однако нападать на ферейскую армію и обратило ее въ позорное бѣгство. Конница преслѣдовала бѣглецовъ, причеъ убила 3,000 человекъ (Pelop. 32).

Какъ ни блестяща была эта побѣда, она была встрѣчена Ѡиванцами и ихъ Ѡессалійскими союзниками, какъ великое бѣдствіе. Оставалось одно—отмстить Александру за смерть Пелопида. Ѡиванцы выставили (Pelop. 35) 7,000 оплитовъ и 700 всадниковъ подъ начальствомъ Малкита и Діогейтона. Это войско, послѣ двухъ сраженій, принудило Александра отдать свободнымъ Ѡессалійцамъ завоеванные у нихъ города, вывести гарнизоны и передать подъ Ѡиванское покровительство Магнетовъ и Ахейцевъ фтіотійскихъ; кромѣ того, Александръ долженъ былъ довольствоваться Ферями и идти, куда прикажутъ Ѡиванцы, то-есть быть почти подвластнымъ имъ.

Слѣдствіемъ этого похода для Ѡиванцевъ было упроченіе, или лучше возстановленіе ихъ прежней гегемоніи въ Ѡессаліи. Доказательствомъ ихъ силы можетъ служить то, что въ Мантинейской битвѣ участвовало много Ѡессалійцевъ, присланныхъ какъ Александромъ, такъ и его врагами. (Hell., VII, 5, 4).

Лишенный всякой власти внѣ ферейскаго округа, слишкомъ тѣснаго для его властолюбія, Александръ не терялъ надежды снова поправить свои обстоятельства и для этого содержалъ большія наемныя силы. Но онъ не могъ болѣе ни грабить города своихъ Ѡессалійскихъ противниковъ, ни получать доходы съ Магнетовъ и Ахейцевъ фтіотійскихъ.

Съ цѣлью пополнить свою казну, Александръ придумалъ грабить острова, бывшіе въ союзѣ съ Аѣнами. Мы видѣли, что онъ былъ нѣ-

не упоминаетъ объ этомъ сходствѣ. Въ той же мѣстности произошла въ 197 году битва между Фламиніемъ и Филиппомъ.

когда союзникомъ и другомъ Аѳинъ. Мы не знаемъ, сколько времени продолжались эти отношенія, но, во всякомъ случаѣ, послѣ союза съ Фиванцами, навязаннаго ему въ 364 году, они стали невозможны вслѣдствіе вражды Фивъ съ Аѳинами. Александръ, чтобы осуществить свой планъ, началъ строить флотъ. Весьма естественно, что Фиванцы, задумавшіе состязаться съ Аѳинами на морѣ, были довольны его приготовленіями. Снарядилъ и отправилъ онъ свои крейсера только лѣтомъ 362 года, то-есть около времени Мантинейской битвы. Александръ опустошилъ много Цикладъ. Когда, наконецъ, онъ овладѣлъ однимъ изъ этихъ острововъ, именно Теносомъ, то Аѳиняне испугались его успѣховъ и поспѣшили снарядить экспедицію противъ него. Это рѣшеніе было принято ими въ народномъ собраніи 24 Метатегитона, въ архонтство Мелона, то-есть въ сентябрѣ 362 года (Demosth. adv. Polykl. 1207). Пока собирались и снаряжали корабли, Аѳиняне узнали, что Александръ, высадивъ на Пепаретѣ солдатъ, собирается осаждать Панормъ, городъ на южномъ берегу острова. Наконецъ, прибыла къ Пепарету эскадра Леосеена. Вѣроятно, кораблѣрейскіе находились въ отлучкѣ или удалились, завидя аѳинскій флотъ, но достоверно, что воины, осаждавшіе Панормъ, изъ осаждавшихъ сдѣлались осажденными, такъ какъ Леосеенъ оцѣпилъ своими кораблями гавань (Діод. XV, 95). Александръ обнаружилъ большую способность къ морскому дѣлу въ этихъ обстоятельствахъ. На челнокѣ, проскользнувшемъ между аѳинскими кораблями, онъ послалъ своимъ воинамъ, осажденнымъ у Панорма, приказаніе зажечь костеръ на возвышенности, въ случаѣ, если нѣсколько кораблей аѳинской эскадры удалятся (Polyaen. VI, 2). Дѣйствительно, Леосеенъ отослалъ три тріеры. Осажденные зажгли костеръ. Люди, нарочно для того назначенные на Магnezійскомъ полуостровѣ, зажгли другой костеръ, который былъ видѣнъ въ Пагазахъ. Извѣщенный такимъ образомъ тираннъ быстро поплылъ въ Панорму, расположивъ своихъ эпибатовъ въ большомъ числѣ на палубахъ, и приказалъ имъ при abordажѣ стрѣлять и бросать дротики въ моряковъ, чтобы затруднить маневры на аѳинскомъ флотѣ (Polyaen. VI, 46). Аѳиняне, совсѣмъ не ожидавшіе нападенія, были разбиты на голову, Александръ взялъ 600 плѣнныхъ, пять аѳинскихъ тріеръ и одну Пепаретскую (Діод. XV, 95).

Аѳиняне приговорили къ смерти Леосеена, конфисковали его имущество, и выслали новую эскадру, а на мѣсто Леосеена назначенъ былъ Харетъ. Это происходило въ 361 году, равно какъ и побѣда Александра при Пепаретѣ.

Харетъ ничего не предпринималъ противъ крейсеровъ Александра, а занимался только грабежемъ союзниковъ афинскихъ, чѣмъ возбудилъ сильное негодованіе въ нихъ. Затѣмъ онъ поплылъ въ Коркиру (Діод. XV, 95). Александръ воспользовался этимъ и послалъ своихъ крейсеровъ сдѣлать нападеніе на самый Пирей (Polyaen. VI, 2, 1). Этотъ замѣчательно смѣлый набѣгъ былъ исполненъ слѣдующимъ образомъ: Александръ приказалъ своимъ морякамъ, причаливъ къ Дигмѣ, то-есть къ базару или биржѣ въ Пирей, ограбить столы или лавки мѣняль. Они такъ и сдѣлали: когда они приплывали, то Афиняне думали, что это корабли какихъ нибудь союзниковъ и не обратили на нихъ вниманія. Причаливъ, солдаты Александра вдругъ затрубили сигналъ къ атакѣ и бросились на мѣняль, обнаживъ мечи. Испуганные жители бросились бѣжать а между тѣмъ пираты скрылись изъ виду.

Посмотримъ теперь, какъ дѣйствовалъ Александръ въ Фессаліи. Онъ снова началъ притѣснять свободныхъ Фессалійцевъ, пользуясь слабостью Фивъ. Сначала они отбивались, какъ могли, сами, потомъ обратились за помощью къ Фивамъ, старой ихъ покровительницѣ. Но тамъ они ничего не могли добиться, такъ какъ не было въ Фивахъ государственнаго мужа, управлявшаго дѣлами. Тогда они отправили пословъ въ Афины, вѣроятно, послѣ набѣга Александра на Пирей. И такъ, въ 361 году при архонтѣ Никофемѣ, Афиняне и Фессалійцы заключили союзъ между собою ²⁾.

Союзъ этотъ, съ одной стороны, былъ направленъ не только къ за-

¹⁾ Полиэнъ говоритъ, что Александръ поплылъ въ Пирей тотчасъ послѣ битвы при Пепаретѣ, желая застать Афинянъ врасплохъ. Такой маневръ могъ бы удался въ томъ случаѣ если весь флотъ Леосеена былъ бы истребленъ. Но такъ какъ этого не случилось, то афинскіе корабли, такъ какъ они были обращены въ бѣгство, могли прибыть въ Афины гораздо скорѣе, чѣмъ Александръ, и распространить извѣстіе о пораженіи.

²⁾ Актъ этого договора былъ найденъ въ Афинахъ на южномъ склонѣ Акрополя и изданъ г. Куманудисомъ въ 'Αθήναιον V, стр. 424. Также онъ изданъ и поясненъ Ульрихомъ Келеромъ (Ulrich Koehler, Attische Psephismen въ Mittheilungen des deutschen archaologischen Institutes in Athen. 1877). Это первый актъ, дошедшій до насъ отъ архонта Никофема; по прескриптамъ невозможно опредѣлить, къ какому времени года онъ относится. Означенный договоръ содержитъ драгоцѣнныя свѣдѣнія объ устройствѣ Фессалійскомъ, когда не было тагоса. Но для насъ, пишущихъ исторію ерейскихъ тиранновъ, это имѣетъ только косвенное значеніе; гораздо важнѣе, что мы авторовъ мы ничего до сихъ поръ не знали объ этомъ союзѣ. (Объясненіе надписи мы заимствуемъ у Келера).

щитѣ территоріи договаривающихся сторонѣ, но и къ охранѣ существующихъ учреждений въ общихъ областяхъ, то-есть въ Атикѣ и Ѳессаліи.

Аеиняне клялись по слѣдующей формулѣ: βοηθήσω παντί σθένει κατὰ τὸ δυνατόν, εἰάν τις ἦν ἐπὶ τὸ κοινὸν τὸ Ѳετталῶν ἐπὶ πόλεμῳ ἢ τὸν ἄρχοντα καταλύῃ, ὃν εἶλοντο οἱ Ѳετταλοὶ ἢ τύραννον καθιστῇ ἐν Ѳετταλίᾳ.

Потомъ должны были быть выбраны 5 человекъ изъ народа, чтобы они, отправившись въ Ѳессалію, присутствовали при принятіи присяги Ѳессалійскихъ властей, именно: архонтъ Агелай, полемархи, иппархи, всадники, гіеромнемоны и прочіе ἄρχοντες, ὅποσοι ὑπὲρ τοῦ κοινοῦ τοῦ Ѳετталῶν ἄρχουσιν.

И такъ, мы видимъ въ Ѳессаліи союзъ κοινόν, архонта, избираемаго не ежегодно, а на болѣе долгій періодъ (можно заключить это изъ того, что объ его избраніи сказано въ аористѣ, а не въ прошедшемъ несовершенномъ) и пользовавшійся почетомъ; такъ, онъ упоминается впереди имени союза: на 33 строкахъ мы читаемъ ἄνευ τοῦ ἄρχοντος καὶ τοῦ κοινοῦ τοῦ Ѳετталῶν. Этотъ архонтъ былъ, вѣроятно, облеченъ исполнительною властью. Кромѣ того мы встрѣчаемъ должности полемарховъ, всадниковъ и гіеромнемоновъ. Эта послѣдняя должность показываетъ намъ, что все устройство области имѣло старинный характеръ, хотя оно не было древне. Мы думаемъ такъ потому, что еслибы оно продолжало существовать долгое время, то было бы прочнѣе и Ѳессалійцы не считали бы нужнымъ гарантировать его договоромъ.

Договоръ оканчивался слѣдующими словами: τὸν δὲ πόλεμον τὸν πρὸς Ἀλέξανδρον μὴ ἐξεῖναι καταλύσασθαι μήτε Ѳετταλοῖς ἄνευ Ἀθηναίων μήτε Ἀθηναίοις ἄνευ τοῦ ἄρχοντος καὶ τοῦ κοινοῦ τοῦ Ѳετталῶν.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ ничего о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Александра и его враговъ, а потому неизвѣстны намъ и послѣдствія договора. Наши свѣдѣнія такъ скудны, что мы даже не знаемъ въ точности, когда умеръ Александръ: вѣроятно въ 358 году, что согласно съ извѣстіемъ Діодора (XV, 61), что онъ правилъ 11 лѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Шефферъ I, 133, пр. 2, въ виду несогласія авторовъ, не высказываетъ своего мнѣнія; Клинтонъ (стр. 264) ставитъ смерть Алекс. въ 359 г., только изъ желанія согласовать, по возможности, годъ смерти Ксенофонта, приводимый Diog. Laert. (II, 56) съ извѣстіемъ Діодора (XVI, 14) о смерти Александра. Гротъ (XI, 290) соглашается съ Клинтономъ съ цѣлью объяснить слова Плутарха ὤλιγον ὄσπερον (Pelop. 35). Но мнѣ кажется, что изъ столь неопредѣленныхъ словъ никакихъ выводовъ нельзя сдѣлать.

Александръ былъ женатъ на дочери Ясона, Оивѣ. Вѣроятно, онъ женился на ней, желая выставить себя преемникомъ знаменитаго человѣка. Изъ этого видно, какъ сильно было обаяніе имени Ясона, даже послѣ его смерти. Александръ зналъ, что Оива унаслѣдовала отъ своего отца его твердый и энергическій характеръ, но думалъ, что можетъ себя оградить отъ ея ненависти. Дѣйствительно, кромѣ ненависти, онъ не могъ возбудить въ ней никакого чувства: звѣрскій, жестокій и распутный, онъ даже не скрывалъ отъ нея своей противоположенной любви къ ея младшему брату, Пиеолау (Pelop. 28).

Онъ принималъ всевозможныя мѣры предосторожности, никогда не входилъ къ женѣ одинъ, передъ нимъ шелъ съ обнаженнымъ мечемъ наемникъ, татуированный по Фракійскому обычаю; ежедневно обыскивалъ Александръ всѣ комнаты своей жены (Cicero. De divinat. II, 7). Но все это ни къ чему не повело, и онъ былъ убитъ, доказывая этимъ, что власть, опирающаяся только на страхъ, не можетъ быть продолжительною: *pes vero ulla vis imperii tanta est, quae premente metu, possit esse diuturna*, какъ говоритъ Цицеронъ (De divin. II, 7).

Мы не знаемъ достовѣрно, что послужило для Оивы ближайшимъ поводомъ совершить преступленіе, — такъ велико разногласіе авторовъ. Ксенофонтъ (Hell. VI, 4, 37) говоритъ, что Александръ казнилъ при ней одного изъ своихъ любимцевъ, не смотря на ея заступничество, но приводитъ также другое извѣстіе, по которому она узнала, что Александръ задумалъ ее удалить отъ себя, такъ какъ не имѣлъ отъ нея дѣтей, и жениться на вдовѣ Ясона, жившей въ Оивахъ ¹⁾. Плутархъ (Pel. 35) говоритъ, что первый, кто далъ Оивѣ эту мысль, былъ Пелопидъ во время своего заключенія въ Ферахъ, но мы уже выше старались доказать, что это не правдоподобно. Каковъ бы ни былъ поводъ преступленія, достовѣрно, что душою заговора была Оива, а исполнителями братья ея (единоутробные) Тисифонъ, Ликофронъ и Пиеолай. Они были молоды и нерѣшительны, она же, достойная дочь Ясона, унаслѣдовала отъ него и хитрость и энергію, хотя была моложе братьевъ. Она объявила имъ, что Александръ замышляетъ ихъ смерть. Зная изъ ежедневныхъ звѣрствъ характеръ Александра, они повѣрили ей. Въ день преступленія, она спрятала ихъ въ сосѣднемъ домѣ. Когда настала ночь, Александръ,

¹⁾ Безъ сомнѣнія, вдова Ясона, жившая въ Оивахъ не была матерью Оивы и, вѣроятно, была Оивянкой.

отягченный виномъ, пришелъ къ ней и скоро заснулъ. Тогда она встала съ ложа, осторожно вышла изъ спальни и настлала персть на лѣстницу, ведущую во второй этажъ, гдѣ находилась спальня ¹⁾. Потомъ она приказала увести, ссылаясь на желаніе мужа чрезвычайно злую собаку, охранявшую лѣстницу и знавшую только Оиву, Александра и раба, ходившаго за нею. Тогда она привела своихъ братьевъ въ комнату, гдѣ спалъ ея мужъ. Она сняла со стѣны мечъ его, висѣвшій у ложа. Но юноши остолебенѣли отъ испуга.

Оива не растерялась, она быстро бросилась къ двери и, держа засовъ, съ негодованіемъ и рѣшительностью объявила имъ, что немедленно разбудить тиранна, если они не примутся за исполненіе своего страшнаго дѣла. Тогда одинъ изъ братствъ схватилъ Александра за волосы, другой за ноги, а третій вонзилъ мечъ въ его сердце. Плутархъ говоритъ, что Александръ былъ первый тираннъ, убитый своею женою. Замѣчательно, что изъ многихъ писателей (Xen. Hell. VI, 4, 36, 37; Plut. Pelop. 35; Photius 186; Cicero de offic. II, 7), передавшихъ намъ его смерть, ни одинъ не порицаетъ образъ дѣйствій Оивы. Такъ сильна была ненависть Эллиновъ къ тираннамъ даже въ IV вѣкѣ, что они находили совершенно естественнымъ и даже похвальнымъ убивать ихъ (подробнѣе объ этомъ говоритъ Друманъ, De tyrannis Graecorum, 60 и сл.)

Такъ погибъ Александръ ²⁾. Никакія предосторожности не спасли его отъ домашнихъ, какъ бы оправдывая слова, влагаемые Ксенофонтomъ въ уста Пьерона: *ὁ δὲ τύραννος οὐδ' ἐπειδὴν εἶσθαι τῆς οἰκίας παρέλθῃ ἐν ἀκινδύνῳ ἐστίν, ἀλλ' ἐνταῦθα δὴ καὶ μάλιστα φυλαχτέον οἷται εἶναι* (Ніеро II, 19). Онъ правилъ около 11 лѣтъ, но далеко не могъ уподобиться Ясону, такъ какъ ему не доставало тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ правителей народовъ великими; онъ не былъ госу-

¹⁾ Мы видимъ изъ того, что Оива устлала шерстью лѣстницу, указаніе, что въ IV вѣкѣ въ самыхъ роскошныхъ домахъ Θεσσαλῶν не употреблялись еще коври для покрытія половъ. Можно заключить, что этого обычая не было тогда и въ прочей Греціи, не превосходившей роскошью Θεσσαλίю.

²⁾ Аристотель (Cicero de Divin. I, с. 25) разказываетъ, что смерть Александра была предсказана чудеснымъ образомъ во снѣ другу Аристотеля, Евдему Критскому, который проѣздомъ чрезъ Феры заболѣлъ и врачи отчаявались въ его спасеніи. Онъ лежалъ въ забытіи, какъ вдругъ ему во снѣ явился прелестный юноша и предсказалъ ему его скорое выздоровленіе, Александру же смерть черезъ нѣсколько дней, и смерть его самого чрезъ пять лѣтъ. Всѣ предсказанія сбылись, хотя послѣднее съ натяжкой.

дарственными мужемъ, не былъ полководцемъ, и если показаль въ чемъ талантъ, то только въ морскомъ дѣлѣ.

Александръ не слѣдовалъ никакой политикѣ, никакимъ определеннымъ планамъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется исключительно страстью, не стѣсняясь соображеніями не только нравственности, но даже и самой пользы. О послѣдствіяхъ, могущихъ произойти отъ его дѣйствій, онъ не заботился.

Ему хотѣлось власти — онъ убиваетъ своего родственника Полифрона. Ему надо приобрести популярность, онъ говоритъ народу, что хочетъ избавить его отъ тиранна, а вслѣдъ за тѣмъ самъ захватываетъ власть. Ему надо войско, онъ нанимаетъ солдатъ, но не старается привязать ихъ къ себѣ, раздѣляя съ ними труды и опасности; ему надо денегъ на содержаніе наемниковъ, онъ грабитъ и уничтожаетъ цѣлые города, подъ предлогомъ, что ему надо арестовать нѣсколько гражданъ. Въ одномъ походѣ онъ видитъ своего противника Пелопида безоружнымъ и немедленно захватываетъ его, не думая, что послѣдствія этого поступка будутъ для него пагубны.

Единственное время дѣятельности Александра, когда онъ обнаружилъ извѣстные таланты, это время его морской войны съ Аеинами. Онъ показаль и смѣлость, и умѣнье обращаться съ флотомъ въ такой степени, что приходится удивляться, откуда онъ могъ ихъ приобрести. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ Ясона, который, какъ видно, мало понималь въ морскомъ дѣлѣ. Къ этому нужно также присоединить настойчивость и энергію, которыя его никогда не оставляли во всѣхъ трудныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ ¹⁾).

XI.

Тисифонъ и Ликофронъ II.

Трупъ Александра былъ выброшенъ на улицу, и чернь предала его поруганію, а убійцамъ начала воздавать необыкновенныя почести.

¹⁾ У Плутарха (Pelop. 29 de fortuna Alex. Magn. § 334) и у Эліана (Var. Hist. XIV, 40) разсказывается анекдотъ, что Александръ расплакался при представленіи одной трагедіи, ушелъ изъ театра, стыдился гражданъ, видѣвшихъ его каждый день совершенно равнодушнымъ при совершеніи самыхъ ужасныхъ звѣрствъ. Это весьма интересный фактъ, если только дѣйствительно онъ случился. Плутархъ говоритъ, что трагедія была Троянки Еврипида, а Эліанъ утверждаетъ, что авторомъ пьесы былъ Теодоръ.

У толпы нѣтъ памяти: она уже забыла, что еще недавно восторгалась человѣкомъ, растерзанный трущъ котораго лежалъ теперь предъ нею, и дала себя обмануть такъ же легко, какъ будто это было въ первый разъ.

Убійцы Александра, совершивъ дѣло, возложенное на нихъ Оивою, захватили власть (Diod. XVI, 14; Phot. Conon, 186). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что женщина, бывшая душою заговора, стала управлять страной въ первое время, когда ея нерѣшительные братья еще не успѣли привыкнуть къ своей роли. Тиранномъ сталъ старшій изъ нихъ Тисифонъ (Phot. Con. 186; Hell. VI, 4, 37). Какъ только Алевады замѣтили, что тираннъ не встрѣчаетъ поддержки даже со стороны Ферейцевъ, что онъ только силою захватилъ власть, и не отличался талантами, то, поддерживаемые ѳессалійскою знатью, они рѣшились свергнуть его и для этого призвали Филиппа Македонскаго. Македонскій царь немедленно вступилъ въ ѳессалію, отнялъ у Тисифона нѣкоторые города и возвратилъ ихъ ѳессалійской знати. Филиппъ своею вкрадчивостію счумѣлъ приобрести расположеніе ѳессалійцевъ, но, однако, не пытался изгнать изъ Феръ тиранна, такъ какъ это не входило въ его планы. Ему надо было ослабить ѳессалію (Diod. XVI, 14).

Мы не знаемъ, сколько лѣтъ правилъ Тисифонъ. Въ 357 году, когда Филиппъ еще находился въ ѳессаліи, Діодоръ, повѣствующій объ этихъ событіяхъ, постоянно говоритъ о ферейскихъ тираннахъ, какъ будто Тисифонъ и Ликофронъ оба правили вмѣстѣ, но мы полагаемъ, что это ошибка, оправдываемая тѣмъ, что Ликофронъ, быть можетъ, помогалъ своему брату въ управленіи. Годъ смерти Тисифона намъ неизвѣстенъ, но такъ какъ мы не встрѣчаемъ упоминанія объ его имени въ 352 г., когда ѳессалійская знать снова призвала Филиппа въ ѳессалію (Diod. XVI, 35), то можно слѣдующимъ образомъ возсоздать исторію ферейскаго тиранна за это время: Тисифонъ былъ разбитъ Филиппомъ въ 356 г. и принужденъ довольствоваться только Ферами. Подъ впечатлѣніемъ пораженія, опъ, — какъ видно, не предприимчивый человѣкъ, — оставался спокоенъ до самой смерти. Въ 355 г. начинается фокейская война, и ѳессалійцы принимаютъ въ ней участіе (Diod. XVI, 33). Около этого времени долженъ былъ умереть Тисифонъ, потому что мы видимъ перемѣну въ ферейской политикѣ. Она снова становится дѣятельною и притязательною, и это ясно показываетъ на перемѣну

правителя. И такъ, около 354 года Ликофронъ занимаетъ мѣсто своего брата.

Ликофронъ II-й, пользуясь затрудненіями Ѳессалійцевъ, начинаетъ расширять свои владѣнія на ихъ счетъ. Быть можетъ, его возвышенію помогалъ Ономархъ, вождь Фокейцевъ, посылая ему деньги для найма войскъ (Diod. 33; догадка Шефера I, 45). Какъ бы то ни было, въ 353 году мы видимъ Ликофрона на столько сильнымъ, что Ѳессалійцы не въ состояніи сами справиться съ нимъ, и призываютъ на помощь Филиппа (Diod XVI, 36). Съ своей стороны Ликофронъ обратился за помощью къ Ономарху. Трудно сказать, сдѣлалъ ли онъ это потому, что раньше былъ въ сношеніяхъ съ нимъ, предполагаетъ Шеферъ, или же просто, зная, что Ономархъ врагъ Ѳессалійцевъ. Ономархъ выслалъ ему своего брата Фаллеса съ 7000 воиновъ. Но Филиппъ побѣдилъ ихъ и выгналъ изъ Ѳессаліи.

Ономархъ, послѣ пораженія своего брата, собралъ все свое войско и вступилъ въ Ѳессалію, съ намѣреніемъ овладѣть ею. Филиппъ и Ѳессалійцы были разбиты въ двухъ сраженіяхъ. Царь македонскій, потерпѣвъ сильныя потери, былъ приведенъ въ весьма критическое положеніе деморализаціей своего войска. Филиппъ принужденъ былъ удалиться въ Македонію. Полѣнъ рассказываетъ (II, 38), что при этомъ случаѣ онъ сказалъ: „я не убѣгаю, а только отступаю, какъ дѣлають бараны, чтобы во второй разъ сильнѣе набѣжать“.

Ликофронъ торжествовалъ, но не долго продолжалось его величіе.

Вскорѣ возвратился Филиппъ изъ Македоніи и снова началъ войну противъ Ликофрона, который, съ своей стороны, обратился къ Ономарху, обѣщая ему устроить Ѳессалійскія дѣла сообразно его интересамъ. Филиппъ, какъ говоритъ Діодоръ, убѣдивъ Ѳессалійцевъ дружно приняться за войну, довелъ число своей пѣхоты до 20,000 и конницы до 3,000 человекъ. Мнѣ кажется, что Филиппъ подѣйствовалъ на Ѳессалійцевъ не краснорѣчіемъ а тѣмъ, что онъ, безъ сомнѣнія, объяснилъ имъ религиозное значеніе войны. Это весьма вѣроятно, такъ какъ онъ своихъ собственныхъ солдатъ украсилъ лавровыми вѣнками (Justin. VIII, 2), символомъ Дельфійскаго бога. У Ономарха было 20,000 пѣхотинцевъ и 500 всадниковъ, числомъ и качествомъ уступавшихъ всадникамъ Филиппа. Благодаря превосходству своей конницы, Филиппъ обратилъ въ бѣгство всю фокійскую армію. Сраженіе происходило не далеко отъ морскаго берега въ виду аѳинской эскадры Харета, крейсеровавшей въ этихъ водахъ случайно, какъ говоритъ Діодоръ (XVI, 35). Но мы думаемъ, что Харетъ

наблюдалъ за исходомъ битвы, въ которую ему запрещено было вступать (такъ думаетъ Флате). Какъ только онъ замѣтилъ, что армія Ономарха разбита, то приблизился къ берегу и этимъ далъ возможность бѣгущимъ Фокійцамъ спастись на его тріерахъ. Большая часть однако утонула. Въ томъ числѣ былъ самъ Ономархъ, по словамъ Діодора (XVI, 35). Павзаній же рассказываетъ (X, 2, 5) его смерть иначе: онъ намѣревался бѣжать къ морю, но его собственные воины убили его, вина его въ поражениіи и приписывая свои несчастія его трусости и неумѣнію распоряжаться. 6,000 Фокійцевъ и наемниковъ потеряли жизнь въ этомъ сраженіи, 3,000 попало въ руки Филиппа. Какъ оскорбителей святыни, онъ велѣлъ ихъ всѣхъ потопить въ морѣ, а трупъ Ономарха распялъ на крестѣ (Diod. XVI, 36).

До какой степени пало значеніе Феръ и ихъ тиранна, видно изъ того факта, что со времени прибытія Ономарха въ Тессалію, хотя онъ и былъ призванъ Ликофрономъ, нигдѣ не упоминается о тиранніи. Послѣ описаннаго пораженія, Ликофрону оставалось только покориться своей судьбѣ. Онъ передалъ Феры Филиппу подъ условіемъ свободнаго пропуска изъ Тессаліи¹⁾. Ликофронъ съ братомъ своимъ Писеолоемъ, взявъ своихъ 2,000 наемниковъ, ушелъ въ Фокиду къ Фаиллу и съ тѣхъ поръ сражался въ рядахъ Фокійцевъ (Diod. XVI, 37). Такимъ образомъ, паденіе ферейской тиранніи произошло въ 352 году. Съ этихъ поръ мы рѣдко встрѣчаемъ имя этихъ несчастныхъ преемниковъ столь могущественныхъ тиранновъ. Въ этомъ же 352 году, мы видимъ ихъ въ рядахъ Лакедемонянъ: они пришли въ Целопоннесъ съ 150 всадниками и 3,000 фокійскихъ воиновъ на помощь противъ Аркадянъ (Diod. XVI, 39, 3).

Филиппъ передалъ Феры Тессалійцамъ, удержавъ за собою Пагазы (Dem. Phipp. I, p. 50) и Магнесію (Dem. Olynth. I, 11), взималъ пошлины съ портовъ и городовъ, словомъ сдѣлался полнымъ владѣтелемъ Тессаліи. Однако, онъ возбудилъ неудовольствіе: начались беспорядки, въ связи съ которыми, вѣроятно, находится краткая реставрація ферейской тиранніи. Именно въ 349 году Филиппъ изгналъ изъ Феръ Писеолоа, правившаго городомъ. Такъ какъ тутъ не говорится о Ликофронѣ, то можно думать, что въ это время онъ уже умеръ (Diod. XVI, 52, 3). Такъ кончилось правле-

¹⁾ Флате думаетъ, что Тессалійцы такъ боялись тиранновъ, что Филиппъ выпустилъ Ликофрона изъ Феръ, чтобы имѣть его въ своемъ распоряженіи, какъ пугало для Тессалійцевъ. Но это врядъ-ли правдоподобно.

ніе послѣдняго ферейскаго тиранна. Когда и какъ онъ умеръ—намъ неизвѣстно. Въ 406 году мы впервые слышимъ о тираннѣ ферейскомъ, въ 349 году въ послѣдній разъ. Въ это короткое время городъ, не имѣвшій большаго значенія въ исторической жизни Греціи, становится весьма извѣстнымъ, а Фессалійскій народъ, никогда прежде не выходившій изъ своего ничтожества, вслѣдствіе своей раздробленности, занимаетъ первенствующее мѣсто въ ряду греческихъ государствъ.

Это было во время Ясона, и благодаря его генію. Съ его смертью началось паденіе ферейской тиранніи. Та роль, которая могла бы выпасть на долю Фессалійцевъ, перешла къ Македоніи.

14.2
176

